VASA INIQUITATIS
СОСУД БЕЗЗАКОНИЯ

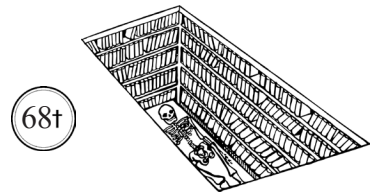
Пьер-Себастьен Евдо

НАШИ УТЕХИ

Перевод Валерия Нугатова

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Фр.



Pierre-Sébastien Heudaux
Nos plaisirs

Редактор: Дмитрий Волчек
Обложка: Алексей Кропин
Верстка: Дарья Громова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

В оформлении обложки использован анонимный рисунок «Странный учитель» (Германия, 1920-е годы)

©1983 by Les Editions de Minuit
©Kolonna Publications, 2019

ISBN 978-5-98144-256-8

Посвящается Жерару

1. СЫНОВЬЯ КАПО

Капо сделал сыновей проститутками, он нарушает закон, но зато поднимает кучу бабла, и нужно еще радоваться, ведь уведи он мальчишек с панели, пришлось бы нестись галопом до самого Сволочена, чтобы найти там других, с родителями которых мы не знакомы, а в случае оргии ночевать голяком на тротуаре, и некому даже пожаловаться, не считая полиции, – спасибо, только не это, а ведь Капо – практически наш дружок, с тех пор мы его и недолюбливаем, долгие годы он был лесорубом и вот внезапно стал отцом, собирает мальчишек в беседке, не все же дети в мире занимаются проституцией, нередко они это делают лишь из упрямства и всю жизнь воруют «карамбары» по булочным, от этого никакого навара, но удержать их невозможно, тогда как сыновья Капо перескакивают из одной постели в другую, следуя наставлениям отца, всегда готовые к перепихону, в сексе есть свои плюсы, ведь если бы Капо велел заштопать себе носки или сварить бульон, мальчишки, конечно, не были бы такими же услужливыми.

Поначалу Капо думал завести девчонок и открыть традиционный бордель, но первым разочарованием стало рождение Новой-Земли, когда же

настал черед Поля, Капо сказал: Никаких шансов, а в тот год, когда родился Ив, решил сменить половую ориентацию, но было еще рановато, Вакханаль не считался передовой деревней с точки зрения свободы нравов, затем появились Кретьен и Сорвиголова, пять мальчишек из пяти – это было и так чересчур, но Капо сдался и окрестил двух следующих Аделаидой и Мишей, некоторым клиентам это могло понравиться, для жены Капо никакой разницы – мальчик или девочка, надо было просто ходить беременной девять месяцев из девяти, чтобы поддерживать хозяйство, но жена была не резиновая, на восьмом пареньке ее разорвало, трагедия была встречена благосклонно, даже сиротка не успел заскучать по матушке, потому как воссоединился с ней аккурат через три дня в могиле, Анриетту мы никогда не любили, но когда та стала мадам Капо, пришлось ее зауважать, а после того как она наконец померла, произошел катарсис – мы с ней примирились.

Помним ее похороны, после обеда в середине августа, палящее солнце, все вспотели в своих парадных костюмах, несусветная жажда и ни намека на прохладительные напитки, сыновья Капо всхлипывали, на похоронах и так всегда невесело, но если хозяева не стараются, это сущий ад, дети изображали изумление, словно кто-то когда-нибудь им обещал, что мать будет жить вечно, даже Капо стоял со своей привычной улыбочкой, можно было подумать, он сам убил супругу и совершил идеальное преступление: ни единого полицейского на горизонте, это Беарн заикнулся про себя насчет убийства, но перестал смеяться, когда эта идейку подхватил его дебильный попугай, на кладбище Аженора, само собой, не пусти-

ли, но окно у Беарна было открыто, и когда птица затараторила: Молодчина, Капо, мышьяк или цианид? в мертвой тишине повеяло холодком, сыновья Капо вдруг с упреком уставились на отца, как будто дети вправе судить родителей, если бы даже Капо поубивал всех людей на земле, его сыновья не смеют его упрекать, он делает это ради них, из чего следует, с учетом обстоятельств, что можно понять чувства детей, узнавших обо всем от попугая, и Капо ничего лучшего не придумал, кроме как засунуть руки в карманы и смущенно переминаться с ноги на ногу, продолжая улыбаться, было заметно, что он изо всех сил пытается выглядеть грустным, но у него не выходит, он был очень доволен: наконец-то померла, через пять минут после начала надгробной речи Цуцику поплохело, естественное обезвоживание после этой нескончаемой трепотни, не о чем было столько трындеть, но когда аптекарь средь бела дня грохается в обморок, это плохая реклама, пользуясь случаем, мы отвели его в кафе, где выпили за здоровье мадам Капо, полагая, что ей бы наверняка больше понравились непринужденные похороны, не то что изнывать от скуки в тридцатитрехградусную жару, так или иначе результат-то все равно один: она померла, все кончено – не будет же она с того света нам указывать.

На кладбище мы Капо так и сказали: Все обиды забыты, она умерла, поплатилась, нельзя плевать на могилу, чтобы кюре вдосталь напроповедовался, осквернённый труп матери восьмерых католических детей, мы бы остались там еще, хотя и жаловались на погоду, наверно, последней радостью умирающей Анриетты было бы видеть небо, голубое как никогда, и представлять, как мы сдохнем в

траурной процессии под открытым солнцем, так и видим, как она потирает свои влажные от счастья ручонки, лежа на смертном одре и мечтая о сердечном приступе во время церемонии, на кладбище только об этом и говорили, но, уютно разместившись в прохладном кафе, мы распрощались с ней навсегда и стали вспоминать, как она делала то-то и то-то, и как продолжала опять и снова, и как начинала сначала, если ей не мешали и даже если мешали, она и была хозяйкой со всеми своими мальчишками и, беременная в тридцать два года, все еще воображала себя Венерой, которой казалась себе в тринадцать, когда от нее без конца слышали эту ересь, и что ее нельзя было останавливать, иначе бы она ушла с другим, кто не так остро реагирует на проявления идиотизма, и стоило тогда выслушивать ее целый месяц, чтобы в последний момент сломаться, и черта с два другой воспользуется всеми трудами, и в конце концов лишь один Капо смог туда пробраться и дорого за это заплатил: брак, восьмеро детей и бесконечные похороны, пока от нее не избавился, и когда она была беременной в тридцать два года и страшной как смертный грех, чего она в любом случае заслужила, все равно доводилось выслушивать ее бредни, которые девятнадцать лет спустя были уже известны во всех вариациях, доводилось из-за того, что Капо без остановки заколачивал деньгу, а это была его жена и мать Новой-Земли-Поля-Ива-Кретьена-Сорвиголовы-Аделаиды и Миши, и при малейшей оплошности, на которую она могла бы обидеться, пришлось бы распрощаться с мальчишками и групповухами – кто же стал бы хамить в таком положении?

Гроб с мадам Капо наконец опустили в могилу и засыпали землей, выбраться оттуда невозможно, полемика о том, умерла она или нет, завершилась; проживи мы еще хоть сотню лет, мы больше никогда не увидим, как она выходит на Главную улицу и предлагает грязные услуги своих сыновей, презрительно подразумевая, что в них кто-нибудь нуждается, и воображая, что у каждого жителя Вакханаля такие же мысли, как у нее, пусть себе говорят, можно заполучить Сорвиголову к себе в постель один раз, а не повторять этот фарс семь ночей в неделю, не все же богаты как Крез, губы ее произносили: Доброго дня, но сердце твердило: Идите ко мне, милые денежки, не надо быть психоаналитиком, чтобы об этом догадаться, баба, помешанная на профите, которая никогда не спала ни с одним из своих сыновей, ведь все мальчики хотят переспать с матерью – все, кроме сыновей Капо, которые, впрочем, не брезгуют никем, они знали, что лучше ей воздерживаться, чем выложить хоть один сантим, она мечтала, чтобы ее похоронили вместе с ее капиталами и чтобы те не достались никому, так и было написано в завещании, но Капо выступил против, он не собирался потакать расхитителям могил, при жизни он, пожалуй, даже отправил бы мадам Капо на каторгу, но после ее смерти больше незачем гоношиться – лучше теперь переключить внимание на мадмуазель Робика.

О вкусах и цветах спорят, всегда найдется тот, кто назовет самого красивого паренька на свете страшненьким, но мадмуазель Робика – случай особый, с давних пор все единодушно считали ее безобразной, красота обладает собственным

шармом, и в своем положении Робика научилась обходиться без парней, с четырнадцати лет она вкалывала в писчебумажном магазине за нищенскую зарплату, как тупая жертва эксплуатации, при том что этот магазин вряд ли достался бы ей в наследство, Робичиху оставляли одну с утра до вечера и с вечера до утра – чтоб мы так жили. Ну и ни в коем разе нельзя было гладить ее по волосам – в ладони оставалась целая пригоршня, Робичиха облысела еще в восемнадцать, но накопила на консультацию у сволоченского специалиста, который сказал, что это пустяки, гормональный дисбаланс или типа того, и выписал лекарство – вонючий лосьон, которым нужно было опрыскивать себя три раза в день, когда она случайно забывала окропиться, все это замечали – от нее по-другому пахло, над ней издевались, но лечение имело громадный успех, хоть и подействовало на все тело сразу, кожа загрубела и покрылась расщелинами, мадмуазель Робика пожаловалась, но сволоченский специалист возразил, что тут уж ничего не поделаешь, это наследственное, легко сказать – попробуй теперь выясни, кем были родители сироты и виноват ли слишком сухой вакханальский климат, а поскольку мадмуазель Робика вообще-то была ужасно рада, что у нее снова отросли волосы, и отстаивала свои права чисто для вида, рассчитывая получить в будущем скидку, то больше ничего не оставалось, пришлось переплатить, но домой она вернулась удовлетворенная, потом доктор Скот уверял, что, обратись она к нему, он сумел бы ограничить действие поверхностью головы, однако доктор блефовал, потому что во время этих событий еще не занимался практикой, а только учился на врача, так что не было и речи о

том, чтобы кого-нибудь лечить, а если, несмотря ни на что, он кого-то и лечил, то только не мадмуазель Робика, которая была для него бедновата, а если бы даже он ее лечил, то уж точно не вылечил бы, ведь это же бездарь, которая ни разу никого не вылечила, простой сельский врач, сидящий на шее у больных и ни в чем толком не разбирающийся, дети у него жирные и от лекарств для похудения, которыми он их пичкает, только еще больше жирнеют, такой папочка вечно весь на нервах – клиенты желают ему поскорее загнуться от рака.

Мадмуазель Робика с годами не хорошеет, но деньги творят чудеса, мужчины ищут ее общества, а женщины, которые были соблазнительными в молодости, в свой черед подурнели, миллионов при этом не нажив, она долго ждала годины мести, и та наконец настала, вот только какой в этом прок? Ее лучшие годы были тоскливы, тут уж ничего не попишешь, теперь она, конечно, может пережить мгновения счастья, но в старости вкус у них совсем не тот, а состояние уходит лишь на расширение писчебумажного магазина, работы от этого прибавляется, а дополнительные барыши – безделица по сравнению с основным капиталом, и от того, что она теперь хозяйка, только хуже, просто она там изнывает и всё, каждое утро в пять уже на ногах и дожидается газет, которые привозят аж в восемь, но ей нужно успеть выбрать, во что сегодня одеться, ведь теперь у нее целый гардероб, успеть намазаться туалетной водой, которую Цуцик специально для нее заказал в Сволочене и которая ничем не пахнет, гораздо изысканнее того лосьона, каким она поливалась в шестнадцать лет, вечером она закрывается лишь в половине восьмого, случается, за целый день так

ничего и не продав, но при этом устает еще больше, чем если бы осталась простой продавщицей, – в этой торговле сам черт ногу сломит.

Несмотря на свой возраст, она еще не замужем и никогда уже не выйдет, такова ее месть: мадмуазель Робика позволяет за собой ухаживать, кажется, что кубышка уже у вас в руках, но в самый последний момент поход в банк отменяется, ей хотелось, чтобы ее любили, когда она была бедна, но в ту пору для этого не было никаких оснований. Она тратит деньги на убогую жизнь, хоть и нельзя сказать, что банкноты, которые она дает Полю, выброшены на ветер, это второй сын Капо, она нарекла его своим возлюбленным и наделила почти исключительными правами, почти каждую ночь он проводит в «Лисятнике» и занимается не пойми чем, ведь шторы задернуты, да и во всяком случае с мадмуазель Робика, наверно, непросто целоваться после несчастного случая, когда она осталась без губ, которые сожгла своими же именинными свечами в тот самый день, когда ей исполнилось четыре года, так что пришлось ее рихтовать, причем неудачно, хирург был пьян или типа того, и она так напугала его своим видом, что он упал в обморок прямо во время операции и забросил это дело, ну и вот теперь ее зубы, справедливости ради, вставные, оголяются до самых десен, даже когда она не улыбается, но она улыбается, когда уславливается с Полем на улице о цене или из вредности приходит и отрывает вас от губ сына Капо, хоть это и случается, обычно она так не поступает, но раз уж она платит ему по твердой цене – зачем же себя обделять?

Беарну ничего нельзя рассказывать – Аженор тут же все повторяет, не попугай, а сорока,

мгновенно растрезвонивает по всему Вакханалю о шашнях сыновей Капо, вместо того чтобы крутиться на своем насесте, весело выкрикивая «коко-коко», как у всех нормальных людей, этот вуайерист подбирается к комнате Беарна и подглядывает за голыми задницами, какую бы пользу ни извлекал из этого попугай, всякое желание у вас пропадает, гладит его лишь мадмуазель Робика: Ах ты мой хорошенький попугайчик, даже самая уродливая птица в джунглях была бы для нее слишком красивой, умственно отсталое животное – славная компания для Беарна, не то чтобы он и сам обладал недюжинным умом, если не нашел ничего лучшего, кроме как вставлять себе между ляжками продажных сыновей Капо, он мечтал о положении позавиднее, нежели сожительство с Аженором, и завел его, когда начал писать монографию о попугаях, вообще-то он специализируется на романах, но по мере написания их не читает никто, кроме редакторов, и он решил разбавить обстановку, в результате чего Аженор у него прижился, а Беарн теперь знает всё: как попугаи без конца и края блюют – Аженор оставляет рвоту повсюду, как они агонизируют – это длится целую вечность, но не успеешь надеть траур, как дебильная птаха уже воскресла, как их душат – это представляет трудности, ведь у Аженора нет шеи и Беарн боится, что во время умерщвления тот его клюнет, а если потом придется жить с пситтакозом, тогда лучше уж пусть Аженор живет, ведь нет ничего более заразного, и после того как заболеют все подряд, мы предложим пристроить попугая на кладбище, если уж светит перебраться в клинику доктора Скота, где старая образина выдумает что угодно, лишь бы поправить свои счета,

в общем, Аженор не подохнет никогда, Беарн просто пичкает его красными чернилами в склянках, дескать, попугаи от них без ума, хотя по Аженору не скажешь: он все выблевывает, красные чернила пачкают маркий бежевый ковролин, но мадмуазель Робика потирает руки, ведь Аженор, делая вид, что у него нет пороков, выдувает по склянке «ватермана» в день, тогда как другие клиенты Робичихи – малоежки, она мечтает о том, чтобы он жил вечно, а она распродала весь свой запас, дурища, мы желали ей смерти еще до того, как Аженор начал распускать сплетни, а она объясняла нам по три раза на дню, что нельзя так грубо насиловать братьев Капо в задний проход, это она научила нас, как правильно трахать пареньков, и ее уроки технического мастерства на самом деле были уроками нравственности, поскольку ей было обидно, что у нее нет собственного хера, и она предпочла бы, чтобы его не было ни у кого, разумеется, за исключением Поля, когда он ночевал в «Лисятнике», если только ему хватало смелости шуровать своим концом в старушечьей лоханке, ведь в конце концов мы ничего об этом не знаем, она утверждает, будто платит ему за то, чтобы он не отдавался больше никому, ну и, конечно же, она и впрямь не такая соблазнительная, чтобы он терпел прочие гадости, включая приглашение на ужин с последующим укладыванием в постель, ведь стряпня у нее слишком жирная, и чтобы не блевать, как попугай, Полю приходится валить вину на свой хер, что удовлетворяет мадмуазель Робика, которой нравится, когда ее возлюбленный превращается в импотента – то ли от избытка сливочного масла, то ли при виде старой девы, которой никто не рискует вставить, не хватало еще, чтобы ее раз-

вратили, Беарн даже запрещает ей долго гладить Аженора, уродство заразно – надо было женить ее на попугае и на веки вечные отправить в свадебное путешествие в зоопарк.

Беарн обхаживает Капо, чтобы тот присылал ему сыновей задарма, ведь проституция – это, конечно, прекрасно, но стоит уйму денег, об этом никогда не говорят, а это очень нервирует, учитывая, что, если даже у вас не встанет, все равно придется заплатить, и мало того, что импотенция гордости не прибавляет, так вас вдобавок обдерут как липку, да еще и поднимут на смех, ведь сыновья Капо все же изредка вытаскивают язык из вашей задницы, и когда они начинают им трепать, то хоть святых выноси, напрасно Беарн лезет из кожи вон, ведь Капо над ним стебется, он же не лесоруб и не сутенер, зачем ему было до срока выходить на пенсию, если теперь он спускает свое имущество, по высокой цене заражаясь триппером от парнишек, а затем еще и раскошеливаясь у доктора Скота, торгующего антибиотиками? Третий мошенник – Цуцик, которому пришлось бы закрыть аптеку, если бы сыновья Капо берегли свою честь, зато он каждую неделю разбирает целый ворох рецептов, находясь в доле со Скотом, Беарну это не по нраву, приходится лебезить еще и перед аптекарем, дабы ублажить доктора, хотя Беарн терпеть не может Цуцика, однако вынужден регулярно идти и покупать у него мыло и зубную пасту и расспрашивать о малышке Деде, имя которой нарочно всякий раз забывает, чтобы вывести Цуцика из себя, что нетрудно сделать, поскольку Беарна всегда есть за что прижучить, не считая того, что он очень злопамятный, ну и дурак же он, ему, видите ли, некогда отвечать на

каждое оскорбление, живем один раз, и лучше проявлять благородство, раз уж все к одному идет, и доводится разоряться на подарки своим врагам, а не то Капо запретит сыновьям казать хер у него дома; досрочно выйдя на пенсию, Беарн теперь может сколько душе угодно кататься на велике, хвастаясь тем, какой он спортсмен, но будь он профессионалом, то давно бы стал безработным, так что езда на велосипеде не приносит ему никакой пользы и он только сердце себе гробит; если нам хватит терпения, его окоченевший труп мы в конце концов обнаружим на дне оврага, он падает при каждом спуске и возвращается домой весь в ссадинах, это влечет за собой новые покупки у Цуцика, потому что колени нужно хорошо смазывать меркурохромом, если не хочешь заработать столбняк, аптечка висит у Беарна на кухне, поэтому он часто путает красные чернила Аженора со своим меркурохромом, но толку от этого мало, ведь отравить попугая все равно не удается.

Где-то там – зыбучие пески, а дома так хорошо, где-то на каждом шагу увязают в дюнах, какая нелепость, а в Вакханале кто угодно безо всякого риска может резвиться на улице, проезжая часть и мухи ни разу не засосала, тут-то и обосновались Капо, Цуцик, доктор Скот и детишки, возможно, они создали альтернативную деревню, ведь почва здесь твердая, а зыбучие пески расстраивают общественную жизнь – как играть в мяч без мяча? Он увязает так глубоко, что исчезает из виду, и игроки вместе с ним, на этом игра и заканчивается, такова жизнь за пределами Вакханаля, сотни трупов, которых никогда не находят, поскольку спелеологи – не амфибии, а под этим подвижным

грунтом течет вода – верная гибель, хотя в песках и не так уж рискуешь простудиться: песчинки согревают, проникая повсюду, холодному воздуху просочиться некуда, пот выступает большими каплями, ну и всем известно, что влажный песок липнет к коже, так неприятно, когда натягиваешь носки после купания в море, поэтому единственный выход – не соваться в эти смертоносные пески, такова тактика мадмуазель Робика, ей хочется оставаться в живых, а не гулять, рискуя собственной шкурой, благодаря чему она со своими капиталами все еще на плаву, чего не скажешь о Новой-Земле, первенце Капо, из трусости он занимался проституцией задаром, но это его не спасло, он думал, что мы пойдем за веревками, чтобы вытащить его из песков и помассировать ему попку, но мы просто смотрели на Капо, если он хотел спасти Новую-Землю, то ему и карты в руки, а мы не обязаны его принуждать, однако он был рассеянным и покамест толком не развернул торговлю, все это было еще курам на смех, как во времена мадам Капо, перепихон тут, перепихон там, кончина Новой-Земли послужила толчком, после смерти парнишки Капо решил, что не станет сидеть сложа руки, пока все братья по очереди окочурятся, а наоборот, извлечет выгоду из того, как умирающий вопил, мол, сделаю все, что мы захотим, только бы его оттуда вытащили, мы же видели белки его глаз, когда он перетрухал и завопил от страха, увязнув в песке по пояс.

Его отец почуял, что мы не прочь спасти Новую-Землю: с одной стороны, он оказался бы у нас в руках, но это было слишком опасно, мы рисковали там и остаться, Капо не вмешивался, с тех пор как похоронили Анриетту, Новая-Земля был

только его сыном, и никто не вправе его осудить, тем более что оставалось еще шестеро пареньков, поднимавшихся вслед за старшим, который умирал не зазря, поскольку узаконивал в семье Капо поголовную проституцию, отец никогда об этом не забывал и проникся подлинной нежностью к Новой-Земле, пока тот подыхал; когда песок сомкнулся над кудрями парнишки, Капо даже не подумал всплакнуть, он вел подсчеты, но как только полились денежки, вспомнил про свой должок перед Новой-Землей и предложил его умирающее тело потенциальным спасателям, однако никто не откликнулся, ведь рисковать собственной шкурой было чересчур накладно, замените жизнь клиента деньгами, и вы откроете для себя учение Капо, он так заморочился, что нельзя было даже произносить имя Новой-Земли, погибшего много лет назад, не выказывая знаков уважения, иначе отец выходил из себя, напрасно мы напоминали, как он обходился с сыном при жизни, сам он ухитрился об этом забыть и только считал купюры, раздувавшие его карман, это было здесь и сейчас, торговля била ключом, и лишь благодаря Новой-Земле его парнишки не загубили почем зря свою молодость, и хотя сам зачинатель лично так и не извлек пользы из этой системы, он остался для всех символом проституции, пусть и лучше было бы выбрать девственника, или символом зыбучих песков, которые он познал изнутри, или связующим звеном между тем и другим – не расступись земля под ногами Новой-Земли, сыновья Капо так всегда и спали бы в своих постелях.

Любой другой оставил бы мальчика, погребенного в зыбучих песках, спокойно разлагаться, но Капо позарез нужно было отправить его на клад-

бище, иначе бы труп остался недовольным, даже его восьмой сын, околевший, не успев родиться, через три дня после матери, получил право на отдельную церемонию, но когда настал черед Новой-Земли, обряд выдался не ахти каким, Капо не собирался хоронить всю свою родню всякий раз в самом широком кругу, каждый должен был прийти поплакать на кладбище, и, разумеется, на его собственных похоронах прием был бы не лучше, но не хватало развлечений, и мы отчаянно скучали, думая о том, что лучше было все же спасти Новую-Землю: либо нам бы это удалось и Капо пришлось отказаться от своей церемонии, либо мы тоже остались бы там, а наблюдать за похоронами изнутри гроба всегда удобнее, чем целоваться с кем ни попадя, подхватывая микробы; начиналось все скверно – со смерти Новой-Земли, кто мог тогда предположить, что Поль-Ив-Кретьен-Сорвиголова-Аделаида и Миша вскоре будут по первому требованию запрыгивать к нам в постель? В ближайшем будущем это, в первую очередь, предвещало приезд рабочих из Сволочена: исчезновение паренька ускорило строительство дамбы для осушения песков, и для Ива это стало откровением, он с голой попкой игрался на стройплощадке, так что сволоченцам даже не надо было платить, он был уверен, что без клиентов не останется, и в ту пору его устраивал любой, вот только строительные работы таким манером не убыстришь, ведь если рабочие по восемь часов в день трахают в задницу Ива, мало того, что дамба никогда не будет закончена, так еще и незачем вызывать специалистов – жители Вакханаля тут как тут, поэтому Капо прочитал Иву нотацию, чтобы тот не подставлял задницу чернорабочим и кому ни попадя, если, конечно, они не откла-

дывают на это деньги, в конце концов Ив стал требовать двойной тариф за секс с рабочими, поскольку стройплощадка была расположена на зыбучих песках, для жителей Вакханаля неудобство заключалось в том, что Ив тратил силы на чужаков, а строительство дамбы становилось похожим на мадмуазель Робика – конца и края не видно, это тянулось несколько месяцев, после чего сооружение обрушилось за две недели до окончания, работы накрылись медным тазом, и сволоченцы вернулись восвояси, зыбучие пески победили и сожрали деньги налогоплательщиков, в общем, молодец доктор Скот, мэр Вакханаля, – кому еще могло стукнуть в башку возвести стену от песка? Ему было все равно, рухнет дамба или выстоит, лишь бы все из кожи вон лезли, чтобы ее построить; видя, как рабочие, переброшенные из Сволочена, заполонили Вакханаль, он кривился: Катастрофа для деревни! Но лицемерить ему было не впервой, в перспективе – множество несчастных случаев на работе, которые позволят обогатиться на чужом здоровье, мы не могли обрекать на смерть всех раненых, ведь тогда бы вмешалась сволоченская полиция, а Скот денно и нощно грезил о том, как одного рабочего раздробит его же механизм, как другой упадет с лесов, а третий увязнет в зыбучих песках или что-нибудь еще в этом роде, в ту пору воображение у него разгулялось, каждая отрезанная рука и нога падала к нему в копилку, не говоря уж об умирающих, порой он лечил их у себя в клинике целую неделю по полному тарифу, он тоже нажился на смерти Новой-Земли и последующем строительстве дамбы, но при этом не считал, что должен всех нервировать, подыгрывая братьям Капо и оплакивая паренька.

Доктор Скот не выносит больных; их болезни – это их собственность, чуть не ли преступно их ее лишать, но это, разумеется, не мешает им постоянно ныть, что день был ужасным, а ночь – кошмарной, что лечение болезненно и они протянут от него ноги, или что он слишком добр и они никогда не выздоровеют в таких условиях, и что им говорили, во вторник их выпишут, но вот уже вторник, а они все еще болеют, ну мы же не волшебники, возможно, в следующий вторник, однако они затягивают знакомую волынку: За кого врачи держат своих пациентов – за подопытных кроликов? И вся родня хором подпевает: кто же в конце концов виноват в болезни? Любая привязанность вызывает стыд, и всех больных следует лечить публично, чтобы они понимали: гордиться тут нечем, это умерит пыл будущих кандидатов, только не надо говорить о мужестве умирающих, раковые больные перестают выпендриваться, когда настает время подыхать и они орут на все лады, а вот сифилитики никого не трогают и не делают вид, будто это свалилось как гром средь ясного неба, они славно порезвились и могут теперь разгуливать по клинике с ироническим видом, несмотря на это, вся слава достается умирающим дебилам: приглашают ученых, чтобы те поработали над их случаями, тратят миллиарды на исследования, больных лечат, а они занимают койки, пачкают простыни, вызывают медсестер в любое время дня и ночи, будят весь этаж, вопя по ночам, или держатся стоически, и тогда ими нужно восхищаться, хотя все задают себе одинединственный вопрос: Когда уже это закончится? Но агония растягивается до бесконечности, их лечат с улыбкой на губах, сраные раковые, вся

клиника на ушах, так что, слава богу, никто не сопротивляется, но даже самые гордые ломаются и требуют жалости, если только не попадают в лапы к хорошим докторам, такое тоже бывает, эти считают делом чести вас вылечить, диета за диетой, нельзя есть ничего из того, что вы любите, они проведывают вас по два раза на дню, надзор, как в тюрьме, и эти беспрестанные расспросы, когда хочется отдохнуть, и эти лекарства, которые отменяют, чтобы продлить страдания и заставить пациента сосредоточиться, пока он тоже в конце концов не начинает желать победы над болезнью, причем до такой степени, что однажды вдруг выздоравливает, больше не на что жаловаться, пора возвращаться домой, коротать время на рынке и на кухне, платить за газ и электричество, при том что собес не возмещает ни гроша, ну и пока вы валитесь с ног под бременем новых хлопот, хороший врач расхаживает по больнице гоголем – ему-то как с гуся вода.

У доктора Скота никогда не было недостатка в недостатках, но, по крайней мере, никто не может упрекнуть его в компетентности, так, например, когда на Вакханаль обрушилась эпидемия аппендицита, первым пострадал Беарн, но мы на это не обратили внимания, сказали: Что, живот разболелся? Ничего, меньше будешь жрать на выходных, но на выходных он вообще ничего не ел и постился бы еще сотню лет, кабы Аженор не принялся орать: Я заболел, хоть это и неправда, но он всех так переполошил, что хотелось его заткнуть, мы пришли и застали Беарна в постели, комната сплошь залита блевотиной, Аженор непринужденно ворковал, чего не скажешь о докторе, который не прихватил с собой сапоги, за одну секунду

он понял, что дела плохи, аппендицит перешел в перитонит, надо оперировать, вот только Скот отказывался это делать, пока Беарн не черкнет три слова, чтобы снять с него ответственность, если вмешательство закончится жмуром на столе, но Беарн ничего не подписывал, ему хотелось доставить своей смертью побольше неприятностей, поэтому Капо пришлось взять операцию на себя, он не рисковал отстранением от должности, поскольку не занимался практикой, и все прошло бы превосходно, если бы только Цуцик не забыл продезинфицировать скальпель, которым уже разрезали три будущих трупа в самом Вакханале, его еще называли скальпелем-убийцей, ну и, конечно, Беарна тоже пришлось бы похоронить, если бы речь действительно шла о перитоните, но это просто был сильный кишечный грипп, так что температура спала, как только Беарн выпил грога, живот пришлось зашить, скальпель после этого заржавел – короче, мы просто вылечили инфекцию.

Через неделю Сорвиголова тоже оказался прикованным к постели и стонал на ней в одиночку, что совершенно не нравилось Капо, ведь в таком состоянии паренек уж точно никого не трахнет, доктор Скот изучил характер болей и выявил аппендицит, снова надо было оперировать, Капо охотно подписал согласие на вмешательство горе-хирурга, поскольку лежачий сын доставлял неудобства, и если бы Сорвиголова помер на столе, Капо все равно получил бы взамен огромную страховку, так что, околеет паренек или оклемается, Капо вполне устраивало и то и другое, однако реальность оказалась не столь радужной, потому что Скот запорол операцию, но не настолько, что-

бы Сорвиголова тут же и скопытился, в пятницу началась такая агония, что, казалось, до конца недели он не дотянет, но в понедельник он был все еще жив, хотя и страшно мучился, в следующий понедельник его состояние нисколько не ухудшилось, а через три месяца он почувствовал себя лучше и выписался из клиники, но должен был, как минимум, полгода воздерживаться от блуда, иначе стал бы импотентом, в чем никто заинтересован не был, для Капо это явилось тяжким ударом: Сорвиголова, включая еду, влетал в копеечку и не приносил никакого дохода, так что отец вскоре велел ему снова ложиться в постель, с кем велят, первым его клиентом после выздоровления стал Скот, Сорвиголова нисколько не пострадал, но история с аппендицитом на этом не закончилась: столь поспешные шашни с больным не принесли доктору удачи и его тоже пришлось оперировать, Капо хотелось непременно поорудовать скальпелем еще разок, чтобы вернуть обратно свои денежки, но Скот задачу ему не облегчил и орал как недорезанный, Капо даже пригрозил, что, если гвалт не прекратится, он уйдет и ничего делать не будет, доктор испугался, что его бросят на произвол судьбы со вспоротым животом и больше не пикал, по окончании спектакля все уже собрались домой, но Беарн, знавший не понаслышке, что такое операция, зашел сказать: Да это просто сильный грипп, и похлопать Скота по животу, доктор подскочил бы от боли до самого потолка, если бы не был привязан к кровати, чтобы не дрыгался, ведь в ту пору они с Капо не ладили и он не хотел попадать к нему в лапы, но Цуцик был слишком неумелым для такой операции, Беарн разрядил обстановку, и доктор громко рассмеялся, что до-

вольно вредно при аппендиците, мы уж думали, он отбросит коньки, но тут ничего нельзя поделать – он живуч, как все богачи, которые беспрерывно копят силы, и неделю спустя рысил, будто мальчонка.

Однако нужно было срочно от него избавиться, ведь не прошло и полгода после выхода Сорвиголовы из клиники, как его пришлось спешно похоронить, труп завонялся, и мы не знали, как отомстить поганому врачу, раньше мы думали: Хрен с ним, если Сорвиголова сделается импотентом, для Скота настанет час расплаты, зря только насмешники переметнутся, но вместо этого паренек умирает в расцвете лет, в тот самый день, когда удовлетворяет одновременно Цуцика и доктора Скота, так что месть накрывается медным тазом, по всей деревне проносится горестный вопль: Нет в мире справедливости – нет в мире справедливости, потому что Сорвиголова отдает концы счастливым, проведя роскошную жизнь между ляжек и булок жителей Вакханаля, а старики остаются в живых, довольствуясь лишь слабым утешением, и у Капо теперь на одного сына меньше, так что он пускает в дело маленького Мишу, чтобы пятеро мальчиков продолжали работать на полную катушку, он лишь использовал последние фотографии, это так возбуждало – смотреть на Сорвиголову и представлять все то, чего больше нельзя с ним сделать, мы повторяли: Нет в мире справедливости, и не хотели обидеть этим Мишу, хорошенького, как всякий новичок, и не имели в виду Капо, который все же не остался полностью в убытке и утешился страховой премией, нет в мире справедливости, потому что Сорвиголова умер, а доктор Скот по-прежнему жив, хотя все мечтают его за-

копать раз и навсегда, и он прекрасно переносит операции, сделанные в кошмарных условиях, и не получает никакого заражения, да у него и не может быть никакого заражения, потому что там все давно сгнило, Сорвиголова умер лишь потому, что свой нос сунул Скот, паренька лечат, а он подыхает, хотя вполне мог бы выздороветь, доктор надеялся на наследство, но Капо все оставил себе, он хотел показать выжившим сыновьям, что, если они восстанут против отца, то тем самым уступят ему свое имущество – у них это отобьет охоту кончать с собой.

II. ЭРБЕР И АКУЛЫ

Эрбера окрестили Эрбером из-за акул, он их боялся и, ложась вечером спать, заглядывал под кровать – не притаились ли они там ненароком, неужели он думал, что у хищниц нет иных забот, кроме как атаковать комнаты мальчишек? Он принимал их чуть ли не за комаров, готовых ежесекундно высасывать кровь, его назвали Эрбером, но акулы так ни разу его и не сожрали, а благоразумно оставались в своих океанах и питались туристами, так что Эрбер может спокойно переходить реку по десять раз в день – первыми отведают его свежей плоти уж точно не акулы.

Тем не менее одно время этот несчастный кретин был убежден, что Борж буквально кишит хищными рыбинами, полными решимости наброситься на него, если он будет и дальше огорчать свою родню: отца, который забил ему акулами баки и проклинал прогресс еще до рождения Эрбера, предвидя появление автоматических шлагбаумов, что позволят ж/д сэкономить на его идиотской, трудом и потом доставшейся зарплате, за которую он должен был следить, чтобы на путях никого не было, когда в 12:08 проходил пассажирский поезд; мать, в которой пьянство соперничало со скупостью, и потому вместе с бухлом она

принимала дешевое, но мучительно эффективное рвотное; и рано выскочившую замуж сестру, которая родила бы в шестнадцать, если бы в машине, взятой напрокат ее мужем, внезапно не кончился бензин прямо посреди железнодорожных путей во вторник, в 12:06, когда пассажирский поезд прибыл на две минуты раньше, – в ту пору это была семья Эрбера, и он любил ее, бегая быстрее всех, так что родителям приходилось драться друг с другом, раз уж они никогда не могли его поймать.

Во время этих ссор мать Эрбера вспоминала медовый месяц, когда муж заливал ей о том, что не пройдет и пары недель, как его повысят до начальника вокзала, но двадцать лет спустя он все так же оставался дежурным по переезду и вскоре должен был уступить место автомату – никакой обозримой перспективы, помимо безработицы, на что отец Эрбера возражал, что лучше уж быть безработным, чем алкоголичкой, хотя жена никогда и не обещала кормить семью со своих попоек, и, главное, заявлял, что безработным никогда не станет, уверяя, что шлагбаум автоматизируют только через его труп: провинциальный шантаж, как будто его жизнь или смерть что-нибудь значили для ж/д, которая вдобавок даже не думала модернизировать переезд, поскольку забрасывала саму ветку и пассажирский поезд больше не должен был проходить ни в 12:08, ни в 12:06, учитывая, что теперь он не будет ходить дальше Сволочена – конечной станции, и насрать на недовольных пассажиров, ну а пока отца Эрбера полностью устраивала его профессия, нищенская жизнь была словно по мерке сшита, а паренек целыми днями свободно разгуливал, как сирота, – дальше это продолжаться не могло.

Родители хорошо понимали, что их сын живет в свое удовольствие, но им не удавалось ничего изменить, они придумали выгонять его на улицу голяком, чтобы привить чувство стыда, однако он отлично с этим справился и даже, наоборот, стал заводить знакомства, и родителям пришлось снова его одеть, наконец появились спасительные акулы, поначалу отец Эрбера говорил о них лишь для того, чтобы успокоить ребенка, но дурачок быстро слетел с катушек и впал в настоящую панику, он ни разу их не видел, а когда расспрашивал Беарна или Капо, те городили в ответ полную чушь, Эрбер принял это так близко к сердцу, что даже хотел свести счеты с жизнью, но ничего, естественно, не вышло, он бросился в Борж, чтобы наконец покончить с акулами, но те им побрезговали, ничуть не кишели и даже не знали, что делать с таким идиотом; когда он, целый и невредимый, выплыл на берег, то держал в руках карпа, удачная рыбалка вместо утопления, ничего не изменилось, и снова пришлось задаваться вопросом, какой смысл в том, что Эрбер, перед тем как лечь вечером спать, с опаской отворяет дверь своей комнаты, чтобы проверить, не прячется ли там акулочка, воображал ли он, что преодолеет себя, если найдет хотя бы одну? Единственным результатом этого упорства был плохой сон, мать Эрбера дурнела с каждым днем, пока не стала вылитым портретом собственного мужа, сестра наконец-то померла, хотя лучше бы уж настал черед родителей, и озлобленному Эрберу смертоносные способности акул стали казаться преувеличенными – не заняться ли убийствами самому? Словно того, что он упорно продолжал жить, было недостаточно для расправы над родней, надо было еще орать

среди ночи и будить наемного работника вместе с его супругой – сам-то он хоть когда-нибудь вкалывал? Что он знал о жизни, если не считать электрических поездов? Поначалу он и в них ничего не смыслил, подталкивая паровоз рукой, Эдисон его бы придушил, поезд сходил с рельсов, а когда провели 220 вольт, Эрбер все взорвал – таким мудреным оказался для него трансформатор, к тому же мальчишка худел на глазах после каждого наказания, лишаемый десерта, а потом закуски и основного блюда, рахитичный ребенок – как это лестно для родителей, и он стрелял по ним из револьвера, одолженного товарищем, к счастью, тот заряжался пистонами, Эрбер в очередной раз избегал каторги, но это не могло длиться вечно, однажды он ударил отца ножом для мяса, но промахнулся, в общем, мы так точно и не узнали, его мать умерла от удара кинжалом в спину, а отца Эрбера в тот же вечер забрали в сволоченский централ, дело выиграл паренек, жандармы тут же его отпустили, отец, который годами его кормил, обстирывал и давал ему приют, не требуя взамен ни сантима, сел за решетку, брошенный на растерзание полиции, но по-хорошему пожалеть надо бы Эрбера, которому достался в наследство дом за двадцать миллионов.

Впрочем, он рыдал с утра до вечера, рассказывая бессвязные истории, так, у него случались галлюцинации, он буквально приходил в ужас, когда часы били полночь, у кровати Эрбера якобы появлялся отец, страшно гремя кандалами, с головой супруги под мышкой, и говорил пареньку: Это из-за тебя она померла, как будто это походило на правду, мы ничего не понимали в этих бреднях, только то, что Эрбер каждую ночь обсирался из-за

привидений, а днем был замученным, и как-то раз ему даже взбрело в голову изменить ножом свою линию жизни, на его руку больно было смотреть – кровавое месиво, мы проследили за тем, чтобы его не отвели к доктору Скоту, и тут-то как раз возьми и зайди мадмуазель Робика, она сжала его в объятиях, пытаясь успокоить, можно себе представить, какую травму получил ребенок, которого тискала у всех на виду этакая образина, пришлось тащить Эрбера к Скоту, ну и правильно, ведь там были сущие пустяки, лейкопластырь остановил кровь, но мадмуазель Робика продолжала разыгрывать потрясение, она приютила на время парнишку и отправила его в школу, товарищи его обожали, ведь он не знал ничего на свете и от него смердело, но учитель Бинго предупредил, что закроет перед ним двери класса, если он снова придет таким грязнющим, и Эрбер смиренно пошел мыться к Беарну, это все же не так мучительно, как перед Робичихой, Беарн оставался в ванной и фотографировал, пока Эрбер принимал душ, изредка горячая вода переставала течь, когда мальчик был весь намыленный, поскольку из-за строительства дамбы возникли перебои с водоснабжением, тогда Беарн нагревал на плите тазик и собственноручно поливал водой зад и член паренька, выдавая пену за сперму; мы охотно покупали фотографии, уж очень увлекательно было наблюдать за ростом Эрбера, изменявшегося с каждым месяцем, оставаясь при этом славным мальчиком, которого так приятно посадить в наручниках в клетку, чтобы он вопил, когда ему вставляешь, Беарн обходился с пареньком, как Капо с сыном, и мы считали, что Аженор терпеть не мог Эрбера, поскольку не выносил конкуренции с ним в сердце Беарна, но

на самом деле он ненавидел его, поскольку ненавидит сирот, точь-в-точь как и миллиардеров, поскольку он желчный попугай, уверенный, что нет ничего краше амазонских лесов, но если даже оплатить ему перелет до Бразилии, он, конечно, не полетит, потому что все это ложь: он слишком ленив и не станет испытывать судьбу, а так и будет сидеть на своей жердочке в Вакханале, он ненавидит всех на свете – мы отвечаем ему сторицей.

Аженора кастрировали по ошибке: доктор Скот зашел подлечить его от пситтакоза, но скальпель соскользнул, возможно, это была счастливая случайность, почему бы не избавиться от его спермы раз и навсегда? Капо почувствовал, как повеяло нищетой, и привел аргументы, которых мы никогда не понимали, цены упали: если провести три вечера в неделю с одним и тем же сыном Капо, то четвертый будет бесплатным, это был такой грабеж, что никто не мог воспользоваться уступкой, ведь больше не осталось ни одного ребенка, свободного четыре ночи в неделю, афера была выгодна Капо, он не тратил ни сантима и при этом увеличивал доход со своих сыновей, которые большего и не требовали, они бы спали и даром, но заставляют платить, чтобы отец не подумал, будто они прохлаждаются, в Вакханале они чувствуют себя королями, кастрация позволила бы приковать их задницы к постели, но операция – недешевое удовольствие, ну и ради чего Капо разоряться – чтобы обогатить Скота и расчистить ему путь для вымогательства? Мы не хотели, чтобы это вышло наружу, и если бы весь Вакханаль решил себя кастрировать, а два-три жмота остались нетронутыми, можно представить себе

всеобщую зависть, ведь котировки сыновей Капо тогда бы рухнули, а уцелевшие получали бы парней за бесценок; если бы даже Поль перебрался с братьями в Сволочен, чтобы стабилизировать рынок, все работоспособные яйца последовали бы за ним, а мы бы остались наедине с кастратами и ждали триумфального возвращения доктора Скота со счетами за операции и поводом для шантажа, хватило бы на целое состояние, но мошонка в рабочем состоянии – это неэкономично даже по ценам Капо, однако если бы в жизни не было ничего, кроме денег, это было бы слишком удобно, есть еще и сама жизнь, обладание членом бывает здесь полезно, поосторожней с этим, так что мы не обратились к доктору Скоту с его шантажистскими карточками, потребители самоорганизовались для проведения забастовки, пока пропускная сумма не уменьшится в половину, мы пригрозили заменить сыновей Капо другими мальчиками, которых выберем сами, дети ведь есть не у одного лишь Капо, но только его потомство хорошо воспитано, остальные не задерживаются у вас между ног, им невозможно вставить, забастовку никто не устраивал, мы предпочли обратиться с просьбой к Эрберу, чтобы тот отмежевался от братьев Капо, но он, не будь дурак, стал задаваться, хотя нам и не стыдно было платить несчастным беззащитным созданиям за любовь – вся эта ахинея, что является монополией суда присяжных, но все-таки стыдно, когда вас разводят пареньки, и это они не верят в любовь, ведь мы-то спали бы с ними задаром, так мы их любим, только пусть не сочиняют, какие они простодушные невежественные мальчуганы, к счастью, нет, ведь тогда бы они играли у себя в комнатах в шары, и про-

щайте, оргии, а имитировать нельзя лишь развращенность – прикинуться целкой можно всегда.

Поэтому Эрбер идеально подходил в качестве безропотного помощника в писчебумажном магазине мадмуазель Робика, которая сжалилась над его членом, посаженным под замок отцом; когда к Эрберу обращались за справкой, он нырял в подсобку, чтобы расспросить хозяйку, ведь он должен был составлять компанию мадмуазель Робика, а не посетителям, которые могли постоять минутку в одиночестве, тогда как мадмуазель Робика всю жизнь подражала Робинзону; Цуцик, который в ту пору очень часто пользовался Эрбером, но рассчитывался с ним лишь в конце недели, приходил в магазин только для того, чтобы его увидеть, парнишка доставал свой блокнот и подсчитывал: Четыре палки, две ночи и одна оргия, получается столько-то, он ничего не забывал, порой он кажется щедрым, но, когда получаешь счет, подарки туда вписаны тоже, самой мадмуазель Робика пришлось заплатить за то, что она приютила его в «Лисятнике» на три месяца, девяносто одна ночь по столько-то за каждую, мадмуазель Робика вылетела в трубу и, рассвирепев, на следующий же день его рассчитала, предложив поночевать под открытым небом, но Капо стукнуло в голову взять его к себе: кроватей всегда хватало с этими детьми, которые спали повсюду и дохли как мухи, так что даже могильщик встал на дыбы, церемонии на кладбище наводили ужас, надо было придумать что-нибудь другое, иначе никто не пошевелится ради трупа, который последует за Сорвиголовой, тем более что в конце концов организация обходилась дороговато, даже если Капо возмещал расходы, продавая лотерейные билеты, выиграв-

ший номер имел право на один бесплатный час с уцелевшим сыном, после смерти Сорвиголовы жребий пал на кюре, Капо так сконфузился, что аннулировал весь тираж, справедливее было бы попробовать второй номер, но он отказался, на каждых похоронах одна и та же песня – приходишь на кладбище полный надежд, а уходишь не солоно хлебавши.

Смерть Поля все же увенчалась успехом, даже состоялся процесс, паренек плавал в луже собственной крови в комнате над аптекой, и Цуцик очень расстроился – к чему бросать в него камень? Он сделал это не нарочно, мы так на суде и сказали, и еще, что Поль больше не был таким уж красавчиком и надо было обновиться, чтобы вырваться из рутины, что он ревновал своих братьев, которых хотели все, тогда как его лучшую клиентку звали Амели Робика и она была не больно-то аппетитная, ее вызвали в суд, и она говорила только о своем магазине, как трудно найти приятных помощников, она же не дура, председатель ее заткнул, и она покинула зал, не совершив клятвопреступления, потом пришел Капо и напомнил, что Цуцик всегда был его аптекарем и никогда бы не стал его огорчать, это недоразумение, у Поля были слабые вены, его мать виновата в том, что не лечила его в детстве, но Цуцик не должен расплачиваться за эту халатность, Капо останется лишь записаться в безработные, если правосудие отправит влюбленных на каторгу, наконец явился сам Цуцик, пьяный в стельку и при этом слегка подавленный, ведь он только что передал Капо чек за его показания, начал он с того, как презирает сплетни, ведь речь именно о них, Капо тут же вмешался снова и уточнил, что Цуцик вел себя с ре-

бенком прилично и вступал с ним лишь в рабочие отношения, убийство пришлось отцу кстати: Поль старел, вскоре он достиг бы совершеннолетия и смог бы эксплуатировать свой член и зад самостоятельно, конкурируя с Капо.

То, что Капо снова взял слово, не понравилось судье, который хотел уладить дело сам, он постучал по своему столу и приказал всем ждать, пока он не разрешит говорить, как в классе, но мы же пришли не для того, чтобы с нами обходились, будто с ребятней, Поль начал нас всерьез утомлять, ох уж эти покойники, отыграться нельзя, так что от них, естественно, никакого уважения, изводят часами, слегка покормят, и хорони их под проливным дождем, после этого встрял доктор Скот: мечтая повидаться с одним из главных своих клиентов в сволоченском централе, где никто не шантажирует, он пояснил, что раз жертва мертва, это нормально, мир бы перевернулся, если бы она цвела и пахла, а убийца лежал в гробу, но если посадить Цуцика в тюрьму, тогда он сам станет жертвой, а задача юстиции не в том, чтобы его обставить, адвокат перебил: что сделано, то сделано, и лучше всего, вероятно, положить венок на могилу Поля, чтобы он не подумал, будто мы его бросили, но Цуцик отказался за это платить под тем предлогом, что он и так уже достаточно потратился на подкуп Капо, в результате Поль остался без цветов, но судья об этом не узнал, Цуцика приговорили к тому, чтобы это послужило ему уроком, – сей вердикт не остановил побоище.

Учитель Бинго – дебил и любит только девчонок, ну то есть он занимается и мальчишками, но те выходят из класса такими же неотесанными, как вошли, они вынуждены искать клиентов

в других местах, и Эрбер, покинув мадмуазель Робика, предпочел поселиться у Капо, это был не настоящий сын, рожденный от Анриетты, но все-таки новый Капо, ведь он был самым красивым мальчиком в Вакханале и собирался открыть свое дело: удачное усыновление, отец нейтрализовал конкурента и возвратил себе сына, Полю нашлась замена, что же касается Бинго, тот жалел, что упустил случай, тем более что с девчонками одни расходы, приходилось делать им аборты, чтобы избежать сплетен, так, доктор Скот оперировал Деде, дочку Цуцика, мы сперва решили, что она померла, и, учитывая, что роженица – еще ребенок, в этом не было бы ничего удивительного, но должна же у Скота хоть когда-нибудь получиться операция, и вот так сюрприз: Бинго уже готовился к неминуемым похоронам Деде, но пришлось засунуть надгробную речь обратно в карман – учителя развели.

Однако он все равно оказался на скамье подсудимых, после того как одним тоскливым вечерком Ив пришел к нему за советом: мальчик жаловался на девчонок, к которым ему противно было подходить ближе, чем на пять метров, это очень беспокоило мать, когда он был еще ребенком, из него бы вышел хороший работник, не будь он таким бескорыстным, и могло бы обернуться еще хуже, ведь на эту породу щедреньких никак нельзя надавить, деньги для них не важны: в школе их так плохо учат, что они не могут даже рассказать наизусть алфавит, попробуй на этом разживись, но им не объясняют, что нужно смириться с необходимостью спать с девушками, иначе на жизнь не заработаешь, учитель нес какую-то пургу, только бы его успокоить, ведь если бы парнишка перерезал

всех жительниц Вакханаля, после чего покончил с собой прямо в классе, об этом заговорили бы в прессе и из Министерства образования приехали бы проверить его счета, поэтому он нашептал Иву, что, если ему так уж хочется кого-нибудь убить, его отец, разумеется, только и мечтает о том, чтобы стать жертвой, потому что Бинго охотно пожертвовал бы Капо и торговлей мальчишками, лишь бы девчонки по-прежнему оголяли для него задницы, ему, конечно, не свезло, когда от него залетела Деде, ведь он жаждал предаваться с девчонками содомии, а не вдувать им в мочалку, после первого же осмотра он рассердился, что кто-то опередил его в заднице Деде, которую, впрочем, не в чем было упрекнуть, если ее отец представлял себе назначение девчонок так же, как и ее наставник, ну а Цуцику просто нужна была такая поза, при которой видна лишь попка девчонки, иначе у него не вставал, на самом же деле ему нравятся только мальчики, а тут как раз дочка под рукой – зачем же добру пропадать? Бинго мог бы трахать в жопу кого угодно, но при всем изобилии парней этот болван, естественно, выбирает девчонку.

Подобное отношение убивает всякие амбиции, поэтому Ив заявлял, что пришлось бы хорошо заплатить, чтобы он пошел в педагоги: если нельзя расставлять ноги в кровати какого-нибудь мальчишки, тогда лучше уж податься в велогонщики, Ив обожает Тур-де-Франс, ведь там показывают крупным планом, как вихляют бедрами чемпионы, а если б он сам был гонщиком, то братался бы с остальными под душем, вымывал бы их языком, массировал, как ни один другой массажист, он был бы самым счастливым мальчишкой, кто же поверит, что спортсмены сколачивают миллионы

долларов, просто нажимая на педали или гоняя мячик на теннисном корте? Разумеется, они такие богатые только потому, что их натягивают потом в раздевалках, когда телевизионщики упаковывают свои камеры, туда пускают только миллиардеров, попадаются такие красотки, что официальным лицам поручают следить за тем, чтобы чемпионов не изувечили, ведь все клиенты одинаковы, после них хоть потоп, мы у себя в Вакханале знаем об этом по растлению сыновей Капо, приходилось быть начеку, ведь на шее висел отец, который просил не запарывать паренькам зады, но либо ты старательно не выпускаешь детей из дома, не отдаешь никому напрокат и отказываешься от коммерции, либо ведешь игру до конца, а клиенты делают все, что хотят, однако клиенты – просители, а хозяин – Капо, поэтому Кретьену с его слабым желудком нельзя глотать больше тридцати грамм спермы в день, но как ее взвесишь? Тут же все на глазок, у дяди вдруг пропадает охота, и приходится кончать самому, один раз у него была дюжина клиентов за день, и он постоянно умолял, чтобы его оставили в покое, братья кладут деньги в карман, не сказав ни единого лишнего словца, а этот вопит и ревет, будто настоящие слезы текут по щекам во время оргазма – гениальная мысль, полная противоположность Ива, ведь в детстве Кретьена видели только с девчонками, с мальчишками он тормозил, но отец его вылечил, раз уж сейчас он усердно хлюпает из любви к искусству, это не приносит ему ни одного сантима навара, но при том, что Ив раньше не был силен в математике, теперь приходится доставать чековую книжку за малейшую ласку, не оговоренную заранее, так что ему-то уроки пошли впрок, это как с покером,

которому Капо научил сыновей, потому что нельзя же ебаться всю ночь напролет, а мы платили парнишке не за то, чтобы он просто лежал и дрых, мы делаем крупную ставку на пять карт, надеясь ее вернуть, но чаще всего все проигрываем, ведь Капо чересчур хорошо натасканы, это все-таки лучше, чем коротать ночи в одиночестве, всяк поймет, что ты импотент, Беарн приглашает сына Капо каждый вечер, потому что в игре он первоклассный любовник, уже через минуту снимаешь с него трусы с четырьмя тузами анфас – его фишка в том, что он лучший, но хотелось бы увидеть его во время игры в баскетбол перед гигантами.

Кретьен и Эрбер ненавидят мандавошек, но в их волосне этих тварей всегда столько, что становится жарковато, в случае переезда от парнишек никакого толку, и Капо, который мог бы извлечь прибыль из девяти детей, включая Эрбера и мертворожденного, располагает в эти минуты лишь Ивом-Аделаидой и Мишей, но поэтому Кретьен и Эрбер порой держат язык за зубами, когда у них заводятся вши, так что каждый житель Вакханаля обнаруживает у себя в штанах дядьев или племянников этих паразитов, как будто парнишки работают на Цуцика, ведь потом приходится покупать лекарства, поскольку нельзя рассчитывать на то, что мандавошек приютит у себя Общество защиты животных – типа благотворительная организация, но когда нужно оказать реальную услугу, благодарю покорно, она предпочитает заниматься кошками и собаками, хотя все уже научились вышвыривать их в дверцу без всяких инструкций, пока мандавошки успеют десять раз залезть вам в ширинку – вот я тебе покажу, в трусах ведь так хо-

рошо, когда кажется, что от них избавился, стоит снова пошарить у братьев Капо, и наши сестрицы тут как тут, никто еще не подхватывал болячку, трахнув в жопу кошку или собаку, но сто́ит переспать с мандавошкой, и дело в шляпе, не следует доставать член из штанов, а лучше платонически сожительствовать с дебильными животными, едва способными принести вам тапки и полизать ноги, но если создать препятствие и дать им пососать член, для них это уже перебор, и все заканчивается кровопролитием, расскажите еще о том, как энергичные дети мечтают сидеть по вечерам дома и читать газеты, не встретив за свою жизнь ни одной мандавошки, Беарн был бы не прочь ее у себя приютить, но, если просто резаться в карты с Кретьеном и Эрбером, бестиарий для себя не соберешь – для чего же раздевать парнишек догола, раз член у тебя пиши пропало? Это научит Беарна играть в покер, ведь если бы он продул, как приятно было бы раздеться перед такими мальчиками, хотя сыновья Капо требуют у проигравших только деньги: наверное, считают, что выглядят элегантно в своей мятой одежонке, которую братья передают друг другу, словно униформу, и вот армия Капо бросается в атаку – готовьте члены, зады и дезинсекционные мази.

Когда мы зовем Эрбера, надо растягивать каждый слог, иначе он не откликается, с Эрбером все без конца и края, он вечно рыщет по горам, по долам и собирает мандавошек, в конце концов он задохнется от инсектицидов или утонет в лосьоне от вшей, ведь он и сам вошь, очаровательная попка не спасет, если ему по нраву убивать отца с матерью и липнуть к вам до тех пор, пока у вас не останется ни гроша, так Эрбер и сам стал акулой,

вот анекдот, будь он богатым, то перерезал бы вам глотку за долги сугубо в назидание другим, но пареньку, который ползает под плеткой голым, обоссанным и с прищепками на сосках, не пристало навязывать свои правила, Эрбер пользуется своей красотой, считает, что все акулы и все мандавошки в мире только его и ждут, так он их пленил, но они уже столетиями пожирают мальчишек, не думая о том, хорошо те сложены или уродливы, так что это сбивает с Эрбера спесь, тем более что он считает себя моделью, но он стал одним из Капо чисто случайно, и при разделе наследства ему придется попотеть, его назвали Эрбером в честь акул, но вполне могли бы окрестить Ноэлем или Альфредом, хвастаться тут нечем, «Эр-бер» – это вообще о чем? Да, как только ему заплатят, он называет себя самым презренным рабом, которого носила земля, но пока денежки еще лежат у вас в кармане, сколько его ни оскорбляй, он и виду не покажет, если сказать, что у него самая красивая попка на свете, она у него правда ничего так, к тому же ее можно купить, тогда как другие вакханальские мальчишки, не считая братьев Капо, тщательно приберегают ее для себя, как будто у них могли бы украсть зад, если б они предлагали его всем подряд, и потому они остаются ни с чем, хотя мы готовы их тоже обогатить, но дуракам деньги не нужны.

Они состарятся, так и не познакомившись с мандавошками, и научатся лишь блистать в обществе, великосветские обеды скоро будут проходить без этих мальчишек, потому что дебилы в конце концов расплачиваются за свою порядочность, званые ужины они будут устраивать в своем воображении – так же, как оберегают свою

задницу от посторонних членов, но при этом каждый вечер раздеваются перед зеркалом и выворачиваются, очищая ее от спермы, к мандавошкам они относятся, как к собакам, но лучше было бы раздавить именно этих мальчишек, они не хотят снимать трусы у вас дома за деньги, но делают это бесплатно в общественном туалете, он разделен на две части, одна для парнишек, другая для самых маленьких, в дырочку видно все, что происходит у парнишек, туалет принадлежит деревне, но находится в пользовании у Беарна, сам он занимает пост какашечника, пять франков за пять минут, чтобы посмотреть, как дети делают свои дела, недорого, но Беарн не в накладе, да и порой там никого нет, сидишь взаперти пять минут и ничего не видишь или смотришь на какого-то идиота, который мочится с вялым членом, но в другие разы парнишки заходят целыми стайками, как будто ни о чем не подозревая, там-то мы и видели, как Эрбер трахнул задаром Леонена, ровесника из Сволочена, там же все те, что ходят по большому, потому что им нравится выставлять себя напоказ, пусть даже Беарн не платит им ни сантима, он делится с муниципалитетом, который использует деньги для дорожных работ, доктор Скот разрешил Беарну открыть общественный туалет, потому что туда никто не ходил, ведь предназначался он для служащих мэрии – мы-то срали у себя по домам.

Беарн без труда убедил Скота, ведь доктор не был мэром пожизненно, и на грядущих выборах нелишне будет напомнить, что он открыл в Вакханале общественную уборную, хотя кабинки закрываются, туда все равно можно заглянуть, а испарения перемешиваются, доктор приходит без

очереди для консультации, по калу можно больше узнать о мальчике, чем по миндалинам, смотря что ищешь, ну а Беарн всегда на месте, потому как собирает коллекцию банкнот и сам является организатором, он заткнул рот тем, кто утверждал, что его песенка спета и что в деревне его держат только из жалости, эту присказку запустил Капо, но ему было бы трудновато хоть кого-то выгнать, он жаловался на жизнь, ведь если бы все клиенты обобрали его сыновей в покер, он мог потихоньку слинять, но пока работала общественная уборная Беарна, Капо делал все для того, чтобы ветер не переменился, а если бы разгорелась конкуренция, они бы помирились – зачем же из-за личной ссоры будоражить всех жителей Вакханаля? Но сам-то Эрбер не проявил бы солидарности, бесплатно кувыркаясь со сволоченским мальчишкой; если начинаешь смешивать удовольствие и работу, вскоре приходишь к сташестидесятивосьмичасовой неделе, ну и в каком состоянии находился бы тогда Эрбер, когда вставлял бы вам между булками? Никакой это не шовинизм, ведь живи даже Леонен в Вакханале, нехорошо требовать кучу денег со стариков и ничего не спрашивать с молодежи, в итоге все переоделись бы в парнишек, но толку от этого ноль, когда Эрбер пресытится мальчишками, вся деревня сядет на диету, если другие Капо не ускорятся; странный парнишка, появился в семье последним, а мнит себя королем всех Капо – фирма работала, пока его отец еще был на воле, мамаша бухала, а сам он обожал лишь свой электрический паровозик.

Это Эрбер ввел разные тарифы – смотря по тому, включен во время ебли свет или нет, его включали, если не приходилось иметь дело с урод-

цем, когда как раз надо полагаться на воображение, хотя мы и чересчур доверяем тому, что лезет в башку, поначалу вас разводят, ведь это экономия, когда представляешь себе Эрбера, а платить за это не надо, но в конце концов пробуждения становятся томными, и понимаешь, что не так уж дешево предаваться фантазиям, за претворение их в реальность платишь втридорога, тем более что Эрбер становится тогда соблазнителем, но он ошибается, потому что Поль плохо кончил и каждый день случаются драмы, например, Леонену, с которым он сходил в туалет, пришлось в следующий час выступать перед зрителями, однако для того, чтобы разбогатеть, мало спать с людьми, которые тебе не нравятся, и весь этот разврат принес Леонену лишь то, что он утопился в Борже; когда труп достали из тины, вид он имел, разумеется, неказистый, в мертвом парнишке не было ничего особенного, кожа мокрая и ледяная, одному лишь Беарну захотелось к нему прижаться, но это оказалось непросто, ведь честь трупов бережет суд, а Беарн не собирался всех нас компрометировать, чтобы сволоченцы случайно не нагрянули в Вакханаль, уж там-то с мертвыми детками шутки плохи – дескать, это мешает делать новых, но если их мальчишки так несравненны, что к ним нельзя прикасаться, иначе они утратят ценность, лучше бы научили их заниматься любовью, ведь Леонен покончил с собой потому, что ничего в этом не петрил, он застыдился, узнав, что мы видели, как он резвился с Эрбером, и испугался, что это дойдет до родителей, поэтому и пришлось развлекаться с другими жителями Вакханаля, но, по правде сказать, это его не развлекло, а стыд настолько разросся, что Леонен утопил его и себя вместе с ним,

ему не о чем было жалеть, ведь его жизнь превратилась бы в ад: если он покончил с собой в таком юном возрасте, то в каком бы расположении духа он пребывал лет в восемнадцать, когда проблемы с членом становятся гнетущими? Раз Леонену не нравился секс, когда тот был еще бесплатным, как бы он им наслаждался, когда тот бы его разорял? Тем более что он не был таким уж милашкой, и обоснуйся он все-таки в Вакханале, клиентов у него было бы негусто, а работай он по расценкам Ива-Кретьена-Аделаиды-Миши и Эрбера, ему уж точно пришлось бы сигануть со стыда в Борж, ну а мы признались следователю, что покончить с собой после того, как дело уже замяли, – не признак большого ума, почему же тогда официально не вручить труп Беарну?

Нельзя, конечно, защищать всех каннибалов без разбору, жизнь стала бы невыносимой, если бы всякий раз, когда протягиваешь к кому-нибудь руку, нам бы ее отрубали, но есть и вежливые людоеды с аппетитом, как у птички; истинные гурманы – те, кто утверждают, будто каннибалы едят мальчиков с утра до вечера, и облизываются, рассказывая об этих трапезах, на которых они не стали бы скромничать, лишь бы их только пригласили, – кто же попрекнет их тем, что они лакомятся свеженькими жмуриками? Ведь если ждать слишком долго, перед тем как их сожрать, в покойниках заводятся черви и через неделю после пирушки у вас случается расстройство желудка, не считая того, что их нужно выкапывать, валясь с ног от усталости, а если накинуться на еще тепленький труп, то все будет хорошо, родители сэкономят на услугах похоронного бюро, ведь у тех, кто по-

ливает людоедов грязью, наверно, просто редко убивали детей, Беарн отведал Леонена первым, потом этим пришлось заняться и остальным, не сказать, что парнишка был аппетитным, даже наоборот, со всей этой тиной, но мы понимали, что если бы труп остался презентабельным, его бы не разрезали на похоронах, так что поужинали мы на кладбище, в кои-то веки придя к согласию, в первую очередь, насчет сына Капо, которым мы воспользовались, но если бы нужно было свалить туда всех мальчишек на свете, в других местах тоже есть зыбучие пески, проблема в том, что большинство людей привыкли жадничать, и незачем кого-то есть, чтобы через час его выблевать, пищеварение – тайна за семью печатями, и мы не вправе кого-либо осуждать за то, что он изучает его работу в общественном туалете, где можно выяснить, каковы наиболее здоровые экскременты Вакханаля; Кретьен и Эрбер развлекаются тем, что срут там, а потом рассматривают собственное говно, обычно они не просто спокойно наслаждаются зрелищем размазанных по кафелю какашек, но, пользуясь их извержением, забавы ради изливают на кал малафью, так скупо распределяемую между жителями Вакханаля, будто она стоит меньше говна, – какое же это удовольствие!

Перед тем как натянуть обратно штаны, следует подтереться, кто-то так и поступает, а другие говорят, мол, нет бумаги, ее и правда не хватает, ведь Цуцик и Беарн порою не брезгуют грязными Капо с такими комками в волосне вокруг очка, что Иву или Эрберу уже становится неприятно, когда мы продираемся сквозь эти заросли, но они же могут побриться, безобразные сцены неизбежны, поскольку есть парнишки, которые не

подтираются никогда, будто матери нанимались застирывать им трусы, и те, что хнычут, когда тянут за рулон, а там ничего нет, словно туалетная бумага на деревьях растет, остается подсовывать им уже использованную, ну или пусть руками вытираются, когда Эрбер и Кретьен дергают себя за причиндалы, дабы окропить свои какашки, у них на двоих аж десять пальцев, но Цуцик приемному Капо не мамаша и не станет стирать ему штаны, когда тот весь изгваздан, он наказывает Эрбера, ведь нельзя же являться обосранным к людям, которые ни о чем таком не просили, и порки эти даровые, впрочем, Цуцик часто заставляет его стирать трусы в своем присутствии, и это забавно: богатенький парнишка занимается стиркой на потеху бедному старику, для Эрбера это еще и поучительно, ведь не собирается же он вечно оставаться сиротой, и это учит его семейной жизни, а если его так уж ломает стирать свое белье перед Цуциком, он может это делать вместе со сводными братьями, ведь Капо купил себе «брандт», беда в том, что дети пользуются машиной все одновременно, поначалу это не мешает, там же не перед кем хвастаться своими грязнющими шмотками, и мальчики загружают всё вперемешку, но когда программа завершается, каждый старается набрать себе одежды по максимуму, и Эрбер боится остаться вообще без трусов, хотя ходить одетым и не в его стиле: если бы на нем ничего не было, он бы только выиграл, поскольку не пришлось бы ломать всю эту комедию с раздеванием, вот только ему кажется возбуждающим, как он вентилирует свое тело, бесконечно долго развязывает шнурки, которые завязывает двойными узлами, иначе они не держатся, и потом не может их распутать, луч-

ше бы ему одолжили ножницы или он купил себе мокасины, ведь так возбуждает, когда он стягивает носки, которые у него никогда не украдут из стиралки, раз уж он их туда не запихивает, вообразите себе эту вонь, никто не остался бы в накладе, если бы Ив-Кретьен-Аделаида и Миша конфисковали у Эрбера одежду, – акулы всегда плавают голыми.

Если даже на его трусах остаются следы говна, это по сути не так уж важно – все люди срут, Эрбера больше беспокоят следы крови, это означает двойной тариф: раз он позволил себя сечь, то должен уплатить Капо комиссию, и поэтому парнишка бешено накинулся на каннибализм, который оправдывал все, ну да, он вымазался, но просто он пожирал труп товарища, вот только не надо считать нас ненасытными людоедами, есть куча народу, которого мы никогда не пробовали, и даже Леонен был исключением, нет тела – нет вскрытия, мы бы десять раз подумали, прежде чем съесть жителя Вакханаля, но какой-то мальчишка из Сволочена был просто способом донести до них, что, хотя ты и живешь в маленькой деревушке, ты совсем не обязательно идиот, но они поняли это по-своему, после чего чуть было не нагрянула полиция, а ведь дельце и без того щекотливое – раздобыть труп, которым можно без всякого риска полакомиться: когда кто-нибудь умирает, такое редко случается, и мы не станем его жрать, чтобы не подхватить заразу, мы не прикоснулись бы даже к пышущей здоровьем мадмуазель Робика – неохота глотать все ее дурости, так что если бы мы устраивали людоедские пирушки, то Эрбер был бы одним из самых прожорливых, но пусть Капо, Ив-Кретьен-Аделаида и Миша не волнуются: когда

мы разживемся аппетитным трупом, Эрбера мы не позовем, а не то он потребует себе больше других и снова устроит стриптиз, это единственная монета, которой он способен платить, просто когда мы едим, то мы едим, и раздеваться тут не след, во время оргии все перемешивается, на скатерть проливаются кровь и сперма, и больше ничего не остается, кроме как сразу переходить к десерту; занимаясь любовью во время еды, улавливаешь только то, что нельзя ничего переваривать, ведь оргия – это, конечно, очень мило, но потом приходится убирать, и тогда-то Эрбер уже не хвастается тем, что его позвали, ему больше нравится дристать, не подтираясь, в общественном сральнике, пока мы елозим половой тряпкой по углам, а ведь нет ничего хуже, чем справляться по хозяйству с пустой мошонкой: если яйца полные, можно получить хоть какое-то удовлетворение, фантазируя, пока моешь полы, тогда как после оргии размышляешь лишь о том, что сыновья Капо ушли, унеся с собой члены, жопы и чеки, спускаешься с небес на землю, ведь если разврат заключается именно в том, чтобы натирать воском паркет на следующий день, лучше уж тогда стать домохозяйкой со всеми социальными выгодами, а сто́ит еще вспомнить, что Эрбер пользуется только плюсами группови-хи, придумывая, чтобы мы ели кого попало, так становится и вовсе невмоготу, он лишь стыдится того, что позволяет себя сечь, но тот, кто не любит порку, не надевает на себя во время каждой оргии наручники и не приковывает себе ноги цепями, он не такой привередливый, когда его кормят какашками, орошает их своей мочой, и чем больше ему платят, тем усерднее он облизывается, так что даже забывает вопить с полным ртом, когда

на спину опускается плетка, мы пригласим его еще на другие вечера, чтобы показать, какие мы на самом деле старые пердуны, и тогда он увидит, насколько приятна уборка после говноедческой любви, тем более что мыться самому еще хуже, чем стирать собственную одежду, которую все-таки можно выбросить, сделав вид, что тебе противно, но невозможно избавиться от собственных рук, как будто есть люди, которые не знают, что такое полные пальцы говна, от которого никак не отделаться, если оно сползает с указательного, то находит убежище на безымянном, а через секунду уже испачкана вся рука, потом на лице вскакивают укусы насекомых, Эрберу это хорошо известно, ведь когда в общественном туалете для парнишек есть бумага, она недостаточно прочная и легко протыкается пальцем, там это не так страшно, поскольку пачкается только одна рука и все равно можно вытереться о свитер, а во время больших вечерних оргий Эрбер совершенно один на сцене в окружении клиентов, наедине с какашками и без всякой защитной одежды, голоден он или нет, а приходится есть от пуза, раз уж его тычут губами в говно, одновременно прочищая зад, и раз уж заплатили авансом.

III. КАРЬЕРА ЦУЦИКА

С тех пор как Цуцик заболел, он трудился рука об руку со Скотом, к концу третьего дня лечения он испытывал жуткие боли, и доктор раздобыл ему анальгетик, все знают о морфине, который обычно используют с осторожностью, чтобы не подсесть, порочный круг наркотической зависимости, об этом мы сотню раз читали, однако доктор Скот ничего против привыкания не имел, давайте встанем на место барыги, мы подкармливаем дилетантов, которые покупают грамм в месяц и жалуются, что мы их обвешиваем, но дело-то в самом наркомане, всего по граммульке в день в течение недели, и семь дней спустя цены уже не кажутся ему завышенными, мы охотно платим, Цуцик понял, что выгоднее быть не покупателем, а продавцом, это вмиг избавило его от вредной зависимости, и так зародился союз, поскольку Скоту нужен был аптекарь, чтобы легально сплавлять товар, он придумал «психокарабин», который выписывал в каждом рецепте, больной бежит в аптеку, и дело в шляпе, ведь психокарабин – это самый обычный героин, и все от него без ума.

Цуцик кинулся рекламировать шприцы, объясняя различные способы употребления, можно, конечно, через нос, но инъекции – совсем дру-

гое дело, все тут же бросились покупать жгуты и иглы, потому что нюхать – хорошо для богатых, у которых всегда есть героин, захотел – получил, но беднякам приходится колоться, чтобы меньше тратиться, лечение вирусного гепатита все равно влетает в копеечку, доктор поддержал инициативу Цуцика, ведь при использовании приходится обращаться к нему, учитывая, что можно гикнуться от одного-единственного пузырька воздуха, пусть даже психокарабин страшно разбодяженный, что толку дезинфицировать инструменты, если в кровь попадает воздух, в один прекрасный день ты умираешь от разрыва сердца, так ничего и не сообразив, нам бы крупно повезло, если бы удалось избежать мора от внутривенных инъекций, сделанных Скотом, но до него вдруг дошло, что совсем не хочется, чтобы все наркоманы передохли, а психокарабин остался у него на руках; как только он извлекает иглу и кладет на ранку ватку, мы облегченно выдыхаем и уже чувствуем, как все тело обмякает, какое блаженство, остается лишь положить в карман деньги за инъекцию, и он ничего не теряет, мы собирались угробить мадмуазель Робика, пустив ей по вене целую килограммину воздуха, чтобы уже через секунду отказало сердце, однако она учуяла подвох, похоже, она делает уколы лучше кого бы то ни было, в результате доктор Скот так и не смог опорожнить шприц, а она по-прежнему жива, Робичиха бойкотирует психокарабин, утверждая, что тот ей не помогает, но это только в скандальных газетенках пишут, будто героин вредит кому-нибудь, кроме миллиардеров, пресыщенных передозами, а иначе зачем наркоманы употребляли бы наркотики? Неужели они бы не бросили, если бы им это было

не по кайфу? Героин – это, конечно, чудесно, но для мадмуазель Робика лучшие лекарства – самые дешевые; пока собес не покроет расходы на психокарабин, и речи не может быть о том, чтобы она его попробовала, ее послушать – аспирин и то лучше, так мы и поверили, пусть опустится на самое дно и расскажет об этом наркоманам, убивающим друг друга ради нескольких граммулек, или она воображает, что проституция так процветала бы, существуй на свете один лишь аспирин?

Мадмуазель Робика, естественно, нашла союзника в Бинго, чиновники терпеть не могут наркоту, она нарушает их упорядоченную жизнь, ведь если мсье Бинго трахает девчонок, не тратя ни единого су, с какой стати ему еще и психокарабин дарить? Мы же не его ученики, пусть сходит на прием, если хочет, чтобы ему его выписали, и, какого бы препода он из себя ни корчил, он окажется во власти доктора Скота, поскольку и речи нет о том, чтобы он конфисковал пакетики у детей, которым всего лишь поручено передать героин своим родителям, мы пользуемся ими, чтобы ускользнуть от полиции, но родители, за исключением Капо, очень сдержанны, вот какие все эгоисты, непонятно, почему их дети должны крутиться как белка в колесе, родители боятся, что парнишки проболтаются, едва их арестуют, и донесут на своих предков, а суды примутся хозяйничать при сведении семейных счетов, – что тогда станется с Вакханалем без психокарабина? Для сыновей Капо наступит кризис, потому что никто не захочет мальчишек, ведь хотя мы и не прочь всегда иметь их под рукой, пусть даже героин отлично возбуждает при импотенции, но для того чтобы полизать очко или пососать член, совершенно

не нужно, чтобы у тебя был стояк, и если мы позволяли себе оргии с тремя сыновьями Капо раз в месяц в течение многих лет, то не станем жаться ради того, чтобы Ив или Эрбер отправился вместе с нами голяком в психокарабиновый трип; продолжи мадмуазель Робика свою агитацию, не будет ничего удивительного, если ее разоблачат как лицемерку, и когда полиция придет с обыском в «Лисятник», то обнаружит там такое, с чем можно выдерживать осаду столетиями – килограммы героина на видном месте в каждом шкафу, как будто это сахар или мука, мадмуазель Робика кладет его каждое утро в свой кофе с молоком, но психокарабин же не пьют, нужно быть круглой идиоткой, чтобы насыпать его в чашку, тем более что подозрительная мадмуазель Робика тут же вылила бы ее в раковину, если бы почувствовала неприятный запах, и вот она спускает героин в канализацию, даже не задумываясь о миллионах торчков, умирающих от ломок и готовых в лепешку расшибиться, только бы получить объедки с ее стола, она, конечно, не думает о них обо всех, поскольку ее интересует только личный комфорт, однако она наказана, ведь подлинный комфорт – это героин, он насыщает морально, и до тех пор, пока она от него отказывается, она будет с утра до вечера задаваться вопросом, не пора ли всерьез покончить с собой, – ах, искушение самоубийства, скорей бы она ему поддалась.

Аделаида умер в тот самый день, как его выписали из больницы, это было несправедливо, всем же известно, что вирусный гепатит можно подцепить, только если не мыть шприцы либо лизать очко первому встречному, а героин Аделаиду не

прикалывал, и в сексуальном плане ему больше нравились девчонки, так что Капо дорого заплатил за свою властность, ведь из-за нее пришлось похоронить уже пятого сына после Новой-Земли, Поля, Сорвиголовы и новорожденного, теперь у него оставалось только четверо, считая Эрбера, смерть Аделаиды стала для всех неожиданностью, даже мадмуазель Робика, которая всегда ищет на трупах блох, поначалу не нашла на этом ничего, так что мы даже задумались, зачем вообще был нужен Аделаида, раз его похоронили уже почти через три месяца после ввода в эксплуатацию, вот вам пример того, кто не приносил большого дохода при жизни, но и мертвым обошелся недорого, поминки на кладбище устроили на скорую руку, и мы сохранили к Аделаиде особую нежность, ведь из всех сыновей Капо он единственный подкачал, представьте себе разочарование отца, который так на него рассчитывал, а парнишка берет и сваливает, не вернув ни сантима, Капо переживал, ведь если похороны будут следовать друг за другом в том же темпе, вскоре он останется без единого живого сына, и на старости лет придется лишь транжирить свой капитал; еще много недель с ним нельзя было даже заикаться об Аделаиде, иначе он доставал свою чековую книжку и в точности подчитывал, во сколько ему обошелся парнишка, он жаловался на то, что сильно потратился на его лечение, когда Аделаида слег в шесть лет с пневмонией.

Впрочем, утверждать, будто от ребенка не было никакой пользы, – явное преувеличение, ведь Аделаида неспроста заработал свою мальчишескую пневмонию, позируя в снегу для Беарна с голым окровавленным задом, чуть было не

разгорелся скандал, и фотохудожнику пришлось оплатить госпитализацию, чтобы его замять, так что на самом деле Капо не потратил на лечение ни гроша, тем более что Скот запросил в конечном счете меньше, чем предполагалось, он просто хотел, чтобы после выздоровления Аделаида снова начал оголяться и раздвигать булки, но теперь уже исключительно для доктора, Беарн мог доделать свои фотки и в одиночку; когда Аделаиду вылечили, уже наступило лето, и он исполнял все капризы Скота, избежав при этом рецидива, к тому же заболеть повторно было не в его интересах, ведь Капо уже надоели эти мальчишки, чахнущие с самого детства, и он не собирался портить себе кровь всякий раз, если у них поднималась температура, впрочем, когда Аделаида внезапно помер через три часа после выписки из больницы, это, наверно, не так уж поразило отца, ведь учитывая, что он заставлял своих ребят путаться с кем попало, это рано или поздно должно было случиться, зачем же тогда говорить, что Аделаида никогда не приносил ему никакой пользы? Если бы Капо меньше им пользовался, у мальчишки не испортился бы желудок, Капо стал зачинателем эксплуатации детей, борясь против контроля за оборотом наркотиков: у сыновей были якобы ранки, но когда снимали пластырь, под ним не обнаруживали ничего, кроме героина, хотя Капо иногда лупил детей за то, что, стремясь к совершенству, они наносили себе реальные увечья, изобретение психокарабина все же не увенчалось бы успехом, если бы его нельзя было вводить с теми же предосторожностями, что и другие запрещенные вещества типа героина.

Возможно, Капо и заслуживает, чтобы психокарабин покупали только у него, столько находчивости проявляет он при реализации товара, сперва Капо собирался поступать, как все, раз уж ему подфартило с шестерыми сыновьями, и начал с того, что засовывал пакетики в задницу Полю-Иву-Кретьену-Сорвиголове-Аделаиде и Мише, это тешило их самолюбие: Вакханаль казался столицей Таиланда, но для тех, кто поднимает себе самооценку в Бангкоке, приготовлены одиночные камеры в самом центре города, в Вакханале таможни нет, но все-таки нельзя придумать тайника хуже, чем задница одного из Капо, ведь там ошиваются все кому не лень, Капо потерял уйму денег, не в силах определиться, как использовать мальчишек – для проституции или для торговли героином, пока не примирил между собой оба эти поприща, заставив сыновей глотать пакетики, после чего мы ждем дефекации, чтобы их забрать, отсюда успех общественного туалета и надомных сеансов, мы наслаждаемся видом говна и можем вдобавок его съесть, чтобы отыскать грамм, каждая процедура платная, но оно того сто́ит, правда, есть риск, что желудочные соки случайно расплавят пакетик, после такого обычно не выживают, и Аделаида мог бы об этом рассказать, учитывая привлекательность вирусного гепатита, поскольку сразу после выписки из больницы ему пришлось проглотить целых пять граммов, которые не выдержали напора дежурных клиентов: мучительная агония, мы оказались бессильны спасти испорченный товар, тем более что его было многовато для одного парнишки, он стонал несколько часов подряд – щедро трахаясь с утра до вечера, сыновья Капо неизбежно обзавелись привычками парвеню.

Своим героиновым трафиком Капо так достал Скота, что тот послал ему анонимное письмо, пригрозив заявить в полицию, хоть у самого доктора никогда не было в распоряжении шестерых сыновей; Капо раскусил махинацию: как только его лишат родительских прав, дети окажутся под общественной опекой, чего он не мог допустить, и на следующий же день доктор в свой черед получил письмо, о котором никому не рассказал, но тут же подписал перемирие, не поинтересовавшись мнением Цуцика, который и пальцем не пошевелил во время всей этой аферы и ничего на ней не заработал, ведь как только мы узнали, что у него за спиной больше не стоит Скот, готовый его защитить, то взвинтили цены на всё; когда клиентом был он, Капо счел делом чести не благодарить его за то, что он корысти ради пошел чуть ли не на измену, ну и за деньги, потраченные Цуциком, чтобы оставить у себя Кретьена на всю ночь, любой другой житель Вакханаля мог бы получить Ива или Эрбера в придачу, подлинной жертвой была Деде, ведь наследство достанется ей, только бы она продержалась до похорон отца, но если тот разбазарит свои сбережения и не встанет в дрязгах с Капо на сторону товарища, так что скоро даже кило помидоров будет для него непозволительной роскошью, Деде окажется у смертного одра Цуцика в дурах.

Впрочем, кому-кому, а только не ей жаловаться на недостаток любви, учитывая, что отец не скупился на кровосмесительные ласки, когда она была еще малышкой, каждый вечер орудуя в ее жопке, вероятно, он завязал, когда она постарела, тем не менее, даже при самой богатой фантазии, нельзя было больше скрывать от себя, что она

девочка и у нее не только явная дырка на месте члена, но и груди раздуваются, как у бабы, хотя анальный секс – отличный контрацептив, Цуцику оставалось лишь пичкать ее пилюлями, а то вдруг вакханальским мальчишкам не с кем будет перепихнуться во второй половине дня, после случая с Леоненом не могло быть и речи о том, чтобы сын Капо бесплатно принимал своего ровесника, тогда пришлось бы довольствоваться девчонкой, а среди девчонок Деде была самой соблазнительной, поскольку отец давал ей волю; когда она стала грудастой и больше не могла обманывать Цуцика, это пришлось кстати, ей надоело, что он чувствовал себя лохом; проводя все ночи с одним и тем же клиентом, ремеслу не научишься, особенно если клиент не платит, в конце концов Цуцик постановил, что Деде – самая что ни на есть девчонка и что его члену до нее больше дела нет, а малышка с радостью пошла искать любовь в другом месте, тогда-то она и воспользовалась учителем Бинго – идеальный клиент, ведь он требовал ее каждый вечер и у него всегда водились деньжата, тогда как Деде вечно теряла время на торг с ровесниками, которые обещают заплатить позже, а потом у них пропадает охота, она все равно получает свое, учитывая, что ради мгновенного удовольствия иногда полезно кончить, иначе бы проституция губила впечатлительные натуры, поскольку, читая везде, что любовь – что-то необыкновенное, девочки, конечно, испытывают разочарование, когда принимают своих первых клиентов, как ни крути, те такие же мужики, как все, пусть и любят разврат, и если бы девочки выбирали клиентов, то стали бы клиентками сами, почему бы и нет? Но хоть они и достают денежку, Деде прекрасно

об этом известно, ведь когда она проводит ночь с Мишей, на это уходит все заработанное за неделю у Бинго, она косвенная жертва героина, поскольку Капо применяет к ней режим завышенных цен, введенный для Цуцика, она теряет с обеих сторон: чем сильнее беднеет отец, тем сильнее цепляется он за нее и ее барыши, так что, возможно, вскоре Деде останется единственным его имуществом.

Авантюра с пианино Цуцика не лезет ни в какие ворота, ведь он так за него и не заплатил, оно принадлежало его жене, и когда Тата его бросила, то оставила инструмент, который не помещался в «рено-5», вместе с Деде они служили Цуцику двумя сувенирами, которые он объединил, поручив Бинго учить малышку сольфеджио, много лет, с пяти до семи часов каждого вечера, в произвольном темпе слышались до-ре-ми-фа-соль-ля-си-до, композитор работой себя не утруждал; когда Деде вдоволь наупражнялась, ее отправили на конкурс, но проходил он в Сволочене, где дочери аптекаря из Вакханаля приз никогда бы не достался, мораль сей басни: она выступала на концерте последней, но зато обзавелась парочкой ценных клиентов, ведь любители искусства обычно не бедствуют, для них нет ничего прекраснее, чем развесить по стенам полотна мастеров или послушать музыку, написанную в прошлом веке, так что положить к себе в сейф юную пианистку за двести франков – это безопасное помещение капитала, и пианино Цуцика стоило пролитой им спермы.

Талантами Деде воспользовались в самом Вакханале, открыв там концертный зал для молодежи, это стимулировало торговлю психокарабином, ведь если «Великолепный» построили для

того, чтобы там танцевали дети, нужно было несмотря ни на что уравновесить эксплуатацию, и пришлось оборудовать кабинки для вуайеристов, однако зрелище не всегда было таким уж приятным, ведь нередко хотелось посмотреть, как Эрбер трахает Мишу, но вот незадача, Мише больше нравился Кретьен, а Эрберу – Деде, мы разорялись в «Великолепном», пока там не наводил порядок героин; протягиваем деткам психокарабин, а затем указываем, каких партнеров выбрать и какие позы принять в счет оплаты, даем им насилу одну восьмую грамма, но этого вполне хватает, чтобы их развести, они становятся такими спокойными, что парнишкам становится неимоверно трудно даже просто поднять залупу, и поэтому они остаются в долгу, но и с точки зрения музыки психокарабин всех устраивает, учитывая, что никто ее не слушает и это лучший способ расслабиться для Деде, когда она играет роль пианистки, то может обманываться, сколько ей влезет, мы ни в чем ее не упрекнем, она нарочно перескакивает через страницы партитуры, чтобы поскорее раздеться догола, однажды мать приехала послушать ее из Сволочена, где укрылась после разъезда, чтобы взглянуть, как развилось тело ее чада, Тата вышла за Цуцика лишь потому, что недолюбливает мужчин, и возмущалась тем, что сыновья Капо натягивают дочь задарма, тогда как Тата сидит взаперти в зале со стариками, что покупают фотки для длинных зимних вечеров и требуют ее любимицу, которая принадлежит, в основном, учителю Бинго и Кретьену-Мише-Эрберу и даже Иву, если все мальчики заняты.

Деде шлифует свой номер, иногда публика под героином слишком тихая, и это не приносит артистке удовлетворения, но случается и обратное,

так однажды вечером нам показалось, что мы на поп-концерте, хотя Деде банально исполняла Иоганна Себастьяна Баха: просто во время сонаты помер Жереми Скот, мы много смеялись над тем, что сын врача был самым дерьмовым из санитаров, даже если бы Жереми мог доказать, что ему продали некачественный героин или что шприц был как-то особенно заражен, никто ведь не заставлял его колоться именно в тот вечер; заметив переполох, доктор оторвался от смотрового окна, в которое наблюдал за Эрбером и Мишей, чтобы выйти на арену в собственном смысле слова, страшно довольный возможностью взглянуть на нее вблизи; он велел мальчикам трахаться дальше, пока сам он осмотрит труп, Жереми никогда умом не отличался, но самой большой его глупостью была эта смерть, ведь отдел по борьбе с наркотиками мог прислать своих инспекторов, передоз – это же их парафия, пришлось обставить все как преднамеренное убийство, но рано или поздно и это вызвало бы подозрения.

При жизни Жереми был страшилищем, но это не мешало ему выставлять Кретьеновы расценки, в итоге у него не было ни единого клиента, и он жаловался, что ему не хватает любви, но за такую цену это было бы просто безумие, в конечном счете, самое неслыханное, возможно, то, что он вообще так долго оставался в живых, ребенок, который никому не приносил пользы, подмывался каждое утро, чтобы все думали, будто задница у него забита спермой, хотя сам он сидел без работы, но на удочку не попадался никто, и единственным результатом была безукоризненная чистота его жопы, нельзя было даже вообразить себе, что через нее вылезает говно, и все уходили в отвра-

щении, ведь заниматься любовью с ничем не пахнущей дыркой – все равно что трясти членом в замочной скважине: нескромных это ослепит.

Никого нельзя упрекнуть в любви к доктору Скоту, однако все признают, что с передозом Жереми переборщил, мы же не стали бы его штрафовать, просиди он пару дней на ломках, но употреблять грамм за граммом оказалось ему не по зубам, ну и фиг с ней, с невезухой, ведь его отец заделал себе только одного сына, так что когда тот помер раньше времени «Ч», в возрасте доктора это было непоправимой потерей, особенно учитывая, сколько месяцев ушло на развод; если возвращать паренька вместе с мадам Скот, лучше уж больше не искушать дьявола, и потом у доктора уже был опыт с Карминой, и сохранялась опасность, что у него родится очередная дочь; с одной стороны, Жереми умер слишком рано, а с другой, слишком поздно, поскольку отец легче перенес бы эту трагедию в ту пору, когда еще можно было усыновить Эрбера, но Капо не собирался отпускать парнишку, которого сам же и воспитал: все его сыновья умирали раньше времени, так что он, конечно, не был настроен отдавать тех, что у него еще оставались.

Тогда у доктора созрел новый план: начхать на разницу полов и переключиться на Деде – почему это, в конце концов, девчонка не может работать так же хорошо, как мальчишка? Надо попытать счастья: удочерив Деде, Скот мог бы сделать ее своей наследницей, хоть это и не по душе Кармине, которая задалась бы вопросом, зачем ей при рождении достались уродство и глупость отца, раз это единственная часть наследства, которую она получит; она уже готова была выйти замуж за род-

ного брата, но Жереми никогда бы не согласился, поскольку мог дрючить ее задаром, да и если бы парнишке предложили жениться, он не стал бы выбирать родственницу, мечтал же он о Деде, ведь для девочки она поразительно хорошо понимала мальчишек, общаясь с ними с самого детства, и, сочетайся сын доктора Скота законным браком с дочерью Цуцика, психокарабин продолжал бы литься рекой, что же касается Деде, то если бы ей предложили талон на срочную операцию, она была бы в восторге от Жереми, но кабы ее спросили насчет женитьбы, она, разумеется выбрала бы в мужья короля Англии или какого-нибудь миллиардера, сославшись на то, что тупой и плюгавый муж – не ее идеал, как бы то ни было, Цуцику нечего было возразить доктору, но после дурацкой выходки Жереми его согласие потеряло всякий смысл – эта смерть похерила помолвку, хотя Скот и нашел другой способ завербовать Деде.

Впрочем, девчонка была лишь промежуточным этапом: заполучив Деде, доктор предложил бы ее Капо в обмен на Эрбера, от парнишки он не отступался, ну а Капо, возможно, было бы выгодно иметь в числе своих детей и девчонку, если вдруг ветер переменится, однако эта мысль появилась и у него самого, и он записался в очередь к Цуцику, поскольку у Скота не было никаких оснований его обойти. Все заявляли свои права на Деде, Тата утверждала, что она причитается ей по закону, ведь если малышке нужна мать, ее родительница идеально подходит на эту роль, учитель Бинго говорил, что он уже почти удочерил ее, раз каждый вечер орудовал у нее в заднице, будто второй отец, мадмуазель Робика тоже вступила в соревнование, но всем известно, что она хотела сделать из

Деде экономку, так зачем же выбирать для этого красавицу? Кармина справилась бы с делом получше, ведь Цуцик обучал малышку проституции не для того, чтобы она стала домохозяйкой при холостячке, с таким положением, конечно, мирятся, когда у тебя полно детей, так Капо на время пристраивал Поля, чтобы тот не попал в лапы клиентов собственных братьев, но Цуцик со своей единственной дочерью был бы сумасшедшим, если бы согласился, пусть лучше мадмуазель Робика ищет себе потаскушек в Сволочене, поскольку жителей Вакханаля слишком легко обидеть и несмотря ни на что ими воспользоваться, если только есть нужда; мы не собирались доверять дочку Цуцика подобной женщине, чтобы малышка ненароком не очутилась в лиге добродетельных и не стала заявлять, будто проституция, если вдуматься, не такое уж увлекательное ремесло и лучше уж спуститься в шахту, если жить не можешь без работы.

Но Деде не должна была считать себя и великосветской дамой по той причине, что она единственная шлюха на весь Вакханаль, вся эта возня вокруг ее удочерения вскружила ей голову, она уже возомнила себя королевой Англии, но девочек мало вовсе не потому, что у Капо одни мальчишки, просто так устроен свет, и даже у нас в Вакханале это не принято; если Капо уехал из родной деревни, увезя с собой сыновей, так что остался в конце с носом, это была всего лишь мера предосторожности, тем не менее, сто́ит просто не давать Деде психокарабина, и она перестанет выпендриваться, принц Уэльский никогда не захочет девушку, которая изменит ему с первым встречным барыгой, ведь для нее лучше уж героиновый барон, чем король без единой граммульки.

Для доктора ситуация была особенно сложной, ведь если бы даже удалось удочерить Деде, а затем обменять ее на Эрбера, афера не увенчалась бы полным успехом, поскольку Жереми все равно не воскреснет, а это-то в конечном счете и было важнее всего, он привязался к парнишке: если доктору Скоту так уж надо кого-нибудь любить, неудивительно, что он выбрал для себя Жереми – собственную копию, уродливого и тупого мальчишку, который умилял его до слез, сидя напротив за столом три раза в день триста шестьдесят пять дней в году, подобный идиот стал для доктора подлинной удачей: пока здравствовал Жереми, его отец не был самой большой образиной среди обитателей Вакханаля, и тут вдруг парнишка отчаливает на веки вечные, Скота не могли утешить ни Деде, ни Эрбер, ведь их задницы выглядели совсем иначе, Жереми-то весь такой волосатый, со столькими недолеченными болячками, коллегам незачем было его щадить, любой, кто заплатил бы за то, чтобы его поцеловать, сразу убежал бы при виде такой задницы; чтобы представить его на месте Эрбера или Деде, нужно обладать фантазией, поэтому Скот решил, что благоразумнее будет спокойно оплакивать Жереми, и после того как Цуцик уперся рогом, доктор больше не желал кого бы то ни было удочерять.

Окончательно отказавшись от Деде, Скот как мэр Вакханаля запретил концерты, которые уже погубили одного человека, и пианино стояло закрытым только потому, что героин у Жереми якобы оказался паленым, доктор хотел разрушить карьеру Деде, чтобы Цуцик не мог богатеть без него, расчет оказался неверен, ведь с тех пор как музыка стала нелегальной, мы только и мечтали ее послу-

шать, «Великолепный» закрылся, но подпольные концерты расцвели пышным цветом, Деде повсюду таскала за собой свое пианино, и пришлось ей растолковать, что важен не сам инструмент: голая девица всегда интереснее концерта в миноре, даже если больше хотелось увидеть Эрбера или Мишу, но у них нет никаких способностей к музыке, а чтобы уломать Капо отправить их на учебу, пришлось бы стать миллиардером, если клиенты ценят девиц, пусть себе спят с ними на здоровье, для его детей Деде – льготный товар, ведь раз уж решил получить удовольствие, необходимо идти до конца, и тогда снова возвращаешься к сыновьям Капо, тем не менее для Деде это был благоприятный период – непрерывная цепь, Миша говорил, что ей даже некогда было опорожняться и пизда у нее переливалась через край, поскольку все кругом ее наполняли, но клиенты здесь ни при чем, просто у Деде тоже бывали неудачные моменты, когда не получалось как следует уколоться и она не попадала в вену по десять раз кряду, а что касается растекавшейся спермы, так это просто кровь разбрызгивалась, ведь пользоваться иглой для внутривенных инъекций рискованно, если жаждешь умереть: она жаждала умереть, и удерживала ее разве что жажда наживы.

Деде просто нужна была ежедневная доза героина и небольшая ниша, она и не думала конкурировать с сыновьями Капо на их территории, ради этого пришлось бы пришить себе член, но ее вполне устраивало, если кому-то вдруг хотелось девчонку, ну, например, приезжал турист, даже Миша, который над ней стебался, иногда по вечерам не прочь был ее оседлать, так у нее снова возникла мысль отправиться на поиски новых

клиентов, что-то вроде увеличения производства наркоты, и отец регулярно отправлял ее домой для подзарядки, затем пареньку приходилось доводить себя с мальчишками до изнеможения, только бы стереть все это из памяти, в музыке Деде ему не нравилось только то, что ее играла девчонка, в само́м же стриптизе ничего противного нет, если только не суют сиськи тебе под нос, при этом ничего не доказывает, что унижение малышки было хорошей тактикой со стороны Миши, стремившегося оставить ее без клиентов, ведь он не дорожил садистами, которые всегда выкладывают наличку авансом, чтобы не пришлось обсуждать расценки во время секса, и приносят наибольшую прибыль, если, конечно, не сделают тебя калекой на всю жизнь.

Капо частенько подумывал о том, чтобы убить Цуцика, но ему не пришлось доставать свои револьверы, потому что в один прекрасный день тот в свой черед помер – кто же его убил? Дело было улажено между убийцей и его совестью, если только Цуцик сам не устроил себе самоубийство, спрятав собственный запас психокарабина таким образом, чтобы его смерть не прошла незамеченной, и на том спасибо, тогда мы об этом не задумывались, и никому не пришло в голову о нем скорбеть, подумаешь, одним меньше, но мы поневоле заметили пропажу кило героина, которым можно было на несколько месяцев с лихвой обеспечить всю деревню, доктор потерял голову, ведь он боялся, что Капо воспользуется этим и захватит рынок, но тому уже не хватало детей, чтоб быстро импортировать все эти сотни граммов, так что на следующий день после убийства, наоборот,

разразился дефицит психокарабина, во всем Вакханале нельзя было разжиться ни единой дозой, оставалось только ждать у моря погоды, вот так удовольствие: героин по талонам, со шлейфом из озноба, испарины и почечных колик, Деде была рассержена вдвойне, ведь, с одной стороны, у нее начались ломки и радоваться в самом деле было нечему, а с другой, у нее из-под носа ушло наследство: она же раскатывала губу на этот килограмм не потому, что собиралась употребить его в одиночку, теперь ей приходилось ждать, пока Скот и Капо восстановят свои запасы, а она стала бы просто рядовой клиенткой, если бы все-таки продержалась до следующей поставки, чувствовала она себя хреново; привыкнув регулярно поглощать героин, она, естественно, была уже не в себе в тот день, когда пришлось искать что-то другое – это круто изменило ее привычки, она ревела и каталась по полу, вместо того чтобы валяться голой в постели и летать в облаках.

Похороны Цуцика вышли безмазовыми, как женитьба Капо. Во вторник героина все еще не было, и доктор Скот с Бинго несли гроб, но не прошел доктор и трех метров по кладбищу, как махнул на все рукой и растянулся в грязи, лило как из ведра, обессилевший Скот валялся в луже и не хотел оттуда выбираться, пока ему не дадут чего-нибудь нюхнуть, но гроб был чересчур дешевым, Деде не стала из кожи вон лезть ради покойного отца, учитывая, как он повел себя на том свете, древесина и гвозди гроша ломаного не стоили, и, едва стукнувшись о землю, похоронный ящик тут же раскрылся, а труп вывалился на дорожку, Бинго предложил привести его в порядок, а уж потом снова попытаться похоронить, мысль показалась

настолько несуразной, что Кретьен, хныкавший на краю могилы, попробовать открыть в изумлении глаза, но силенок ему не хватило, и он рухнул в ту самую яму, что предназначалась для Цуцика, так как под ним обвалилась почва – зыбучие пески заразительны, но мы не собирались несколько часов кряду тащить Кретьена из могилы, чтобы на его место положить другого, в то время как один уже без труда там пристроился, и как ни в чем не бывало засыпали парнишку землей, никто не заметил разницы; когда все кончилось, Деде очнулась и потребовала, чтобы Цуцика похоронили в той яме, за которую она заплатила, а больше нигде, мы бы это проигнорировали, если бы в свой черед не вмешался Капо, который вдруг рассердился, поскольку заподозрил в той неприятности, что случилась с Кретьеном, злой умысел, тогда как дело было всего-навсего в лени, но Капо как великий организатор не мог этого понять, Кретьена пришлось выкопать, обычно бывает уже слишком поздно, и мы сэкономили на обряде, но когда парнишка вновь появился на свет божий, то оказался совсем не мертвым, а просто на мрачняках, в могилу наконец закинули папашу Деде, обряд на самом деле никого не интересовал, но мы рассчитывали на благодарность, на то, что Цуцик вылезет из своей ямы, чтобы указать, где находится психокарабин, разумеется, эта сволочь и пальцем не пошевелила, оставаясь мертвецки спокойной и укрываясь в своей могиле от грозы, и если бы Капо неожиданно не подвезли товар, похороны Цуцика, пожалуй, стали бы групповыми.

Переделав все заново, мы смогли без всякой задней мысли потереть руки, подумывая об убийстве, но события развивались молниеносно, ведь

Капо свой товар не потребляет, и пока мы отходили по домам от героина, он похитил Деде и выдал замуж за Кретьена, чтобы аптека Цуцика перешла к его семье, а заодно и тот килограмм, если найдется; на свадьбе столы ломились от птифуров, Капо все хорошо обставил, хотя на самом деле хорошего мало, ведь педика на девчонке не женят, но разве Кретьен и впрямь гомосексуал? Чтобы это узнать, пришлось бы освободить его от клиентов, на другой день после свадьбы Деде подписала новые документы у нотариуса – или так, или никакого героина, Капо скопом ее мутузили, у каждого свои фантазии, но Деде мирилась с тем, что все ее презирали, а по ночам сажали в конюшне на цепь, как будто этого никогда бы не произошло, отхвати она себе короля Англии, так что правде в глаза смотрела лишь дочка Цуцика, вскоре она пожалела об этом замужестве, от которого так много ждала, однако волноваться было не о чем, ведь продлилось оно недолго, к концу недели она померла, и Кретьен, в восторге от развода, снова стал неженатым, однако все же пришлось приодеться для кладбища, смешно было каждые две недели наведываться на участок семейства Цуцика, лучше было уложить Деде вместе с отцом еще во время предыдущих похорон, тем самым избавив малышку от несчастливого брака, а жителей Вакханаля – от еще одной церемонии, ведь они покупают героин не для того, чтобы потом брести под ледяным дождем в траурной процессии.

Беарн – импотент; разумеется, чтобы воспевать природу, большого ума не надо: какие красивые цветочки, он воображает себе, что, если похвалить ромашку, та станет сговорчивее, когда начнешь обрывать лепестки, но такого не бывает; если они закончатся на «не любит», Беарн сможет сотню раз начать сначала, он никогда не полюбит никого до безумия, разве что ромашки, которые обожает, старый садист не ищет других удовольствий, лишь бы только их терзать, ведь никто же не верит в эту дурацкую игру, а ему она не надоедает, хорошо хоть он не влюбился в мандрагору, иначе тогда бы не знал, куда спускать малафью, порочный круг, чем больше он будет любить, тем больше будет хотеться, чтобы импотенция его оберегала, так как в конечном счете он сохранял бы сперму для себя, а мандрагоре пришлось бы расти в зыбучих песках; будь у Беарна дочь, хотя об этом нет и речи, он назвал бы ее Ромашкой, ведь Мандрагора – чересчур оригинальное имя, в Сволочене перемывали бы косточки, тем временем он окрестил так всех сыновей Капо, и это вызывает путаницу, когда он говорит Ромашка, непонятно, кого имеет в виду – Эрбера, Ива, Кре-

тьена или Мишу, никто, во всяком случае, никогда и не думал срывать с него одну за другой одежки, пока он не останется в чем мать родила, для того чтобы выяснить, любит он или не любит, братьям Ромашкам нельзя видеть его голяком, иначе им опротивеют мужики, а не то жителям Вакханаля не помогла бы вся эта их малафья на руках, осталось бы лишь переключиться на баб, пришлось бы оплачивать им контрацептивы и дрыгаться в их менструальной крови, у членов ведь нет глаз, да и какая разница, на что они наткнутся там в пизде, конечно, будь они зрячими, тут же съежились бы и слиняли, но хуй нам нужен вовсе не для того, чтобы фотографировать и описывать пейзажи, двигаться туда-сюда вообще не так-то просто, ни один член не отличит козье очко от мальчишеского рта, если только там будет тепло, но это еще не повод предпочитать ромашки, которые к тому же и неважные психологи и никогда не сообщат, что Кретьену нравится доктор, а Кармина пылает страстью к Бинго.

Прозвище «братья Ромашки», данное сыновьям Капо, никогда не приживется: во-первых, Эрбер – неродной брат, который остался бы просто одним из клиентов, будь у него задница понежнее, тогда как Кретьен, Ив и Миша никуда не делись бы из семьи, даже родись они страшненькими, а во-вторых, никто не имеет права обрывать с сыновей Капо лепестки бесплатно, и когда их топчешь, они не вырастают снова, так, например, Ив, которому страшно хотелось угробить «ламборгини» доктора, наконец-то сумел подлезть под нее и сломать подвеску, машине настал кирдык, но Иву тоже, мы не стали соединять отдельные куски, которые сложили в один мешок и похоронили его го-

лову, ноги и руки в братской могиле, Скот явился на кладбище, страховая компания заплатила, так что нечего было дуться на Капо, Беарн тоже там был, потому что он неисправим и обожает природу огульно: дождь и солнце, живых и мертвяков; если когда-нибудь его поднимут со дна оврага, это подтвердит, что любовь слепа, ведь кому какой прок от того, чтобы его столкнуть, тогда как этот раззява способен убить себя и сам? Когда весишь целый центнер, из приличия лучше побыстрее дать дуба, памятуя обо всех тех африканцах, что подыхают с голоду, или сесть на психокарабиновую диету: просто принимать по грамму в день, и к концу года будешь сбрасывать по двадцать кило в неделю, об этом вам любой врач скажет, Беарн чхать хотел на жителей Биафры, для него они просто черномазые, и если бы все черномазые вымерли, почему и узкоглазым не заодно, но откуда тогда возьмется героин? Ну и влипли бы мы, поголовные ломки, все бы отощали, даже рахитики, но, с другой стороны, дефицит – это экономия по сравнению с периодами истерии, когда не хватает времени ни на что, кроме как зарабатывать деньги на героине и его же употреблять; если ты клиент Скота, ни для кого не секрет, что ты приносишь свою жизнь в жертву психокарабину, ну и на что это похоже? Приходится объяснять, что вообще-то это героин, чтобы не показаться идиотом, но все равно им выглядишь, ведь люди треплют языками, мы накладываем арест на имущество, а доктор взвинчивает цены, Капо плывет по течению, раз барыги вступают в противозаконные сговоры, отдел по борьбе с мошенничеством попустительствует, потому что в официальных цифрах не учитывается ни один наркотик, но мы бы проводили

иную героиновую политику, если бы приходилось повышать минимальную зарплату всякий раз, когда подскакивает цена, начни Беарн следить за своей фигурой, остальным досталось бы больше психокарабина, но он никогда не решится терпеть ломки по собственной воле и делает запасы, которых надолго не хватает, ведь он ими не дорожит и встает среди ночи, пока Аженор дрыхнет, чтобы употребить то, что сэкономил днем, между тем Аженор всегда спит лишь вполглаза и его не проведешь, он ничего не говорит, потому что обладает словарным запасом попугая и не может подобрать выражений для ведения спора, но Беарну есть за что платить, и если бы Аженор взялся за дело, тот залился бы соловьем под аккомпанемент своей чековой книжки.

Эрбер не такой поэт, как Беарн, чтобы у него вставало на хлеба, ручейки и малых пташек; природа, так уж и быть, но в придачу к ней уйма денег и красивые парни, а если просто молиться на травку, растоптанную, обоссанную, обосранную и заблеванную сотней дебилов, то лучше уж сидеть дома и чтобы приходили мальчишки и срали у тебя на глазах, а потом стирали, можно любить говно, но необязательно любить его где попало в любое время дня и ночи, иногда бывает неприятно в него вступать, потом одному из сыновей Капо приходится вылизывать тебе туфли, и прогулка влетает в копеечку, не говоря уж о том, какая это ржака, когда влезаешь в какашки, деньги на ветер, ведь даже отпетого садиста напрягает, если его раб ухмыляется, выхода нет, мазохисты бывают до такой степени мазохистами, что постоянно всем довольны, но ничем не лучше, когда они та-

кие раззявы, что повсюду разливают мочу и разбрасывают говно, мы их, конечно, наказываем, но постоянно нервничаем, ведь никогда нельзя быть уверенным, что они основательно все вымыли, и совсем не нужно быть помешанным на чистоте, чтобы не складировать беспрерывно у себя дома каловые массы; если объясняешь рабам, где разрешается срать, им нужно просто придерживаться указаний, или пусть тогда откажутся от мазохизма, раз это противоречит их бессознательному.

Какая Скоту выгода в том, чтобы любить Эрбера, у которого нет никакого диплома? Эта связь обходится доктору недешево, ну и кого винить, помимо естества, которое пристраивает его между булками гопника, а как только он оттуда выбирается, то думает лишь о том, чтобы снова туда залезть? Это самая обыкновенная болезнь, вот только цены на лечение кусаются, Эрбер не в накладе, сам-то он никого не любит, и ему не надо рыться в кубышке, чтобы угождать своему члену, но когда-нибудь естество скажет свое последнее слово, и он сгниет в земле, в свой черед слившись с природой, тогда мы используем его вместо корма для поросят, сильнее его труп не осквернишь, а почему бы не закинуть голого Эрбера прямо в их корыто еще живым, чтобы специалист по акулам свел знакомство и со свиньями? Пусть он побарахтается в их дрисне и пусть его там подержат, пока свинки не вставят ему на глазах у всей деревни, просто праздник какой-то: голый Эрбер по уши в говне и со свинтусом в жопе, но на подобное выступление ушла бы целая прорва денег, если, конечно, не изводить мадмуазель Робика, пока старая ведьма не сварганит приворотное зелье, которое выпьют из одного стакана Эрбер и свин-

тус, чтобы влюбиться друг в друга и потехи ради разыгрывать эту потрясную сцену по три раза на дню, но если бы мадмуазель Робика умела готовить подобные напитки, она бы напивалась сама с каждым из сыновей Капо, а не крутила любовь с собственной кункой за неимением других добровольцев.

Первым проказу подцепил Эрбер, хотя, если это проказа, лучше уж рак, чем простуда: доктор придумал это для того, чтобы только он сам мог ласкать, целовать и трахать парнишку, Скот заявил, что у Эрбера проказа, чтобы никто к нему не подходил из страха заразиться, поэтому мальчонке было так скучно, что визиты Скота доставляли ему удовольствие, очень скоро его закрыли на карантин, Капо больше не хотел видеть его у себя дома, чтобы он не принес заразу в семью, доктор принял его с радостью, но все осложнилось, ведь Кармина была так рада видеть у себя дома красивого мальчугана, что даже похорошела, у счастья есть вторичные проявления, и на безрыбье Эрбер в нее влюбился или типа того, доктор об этом пронюхал, и Эрбер тут же выздоровел, вернулся к себе, а Кармину мы тщательно изуродовали, чтобы теперь даже самая большая радость не смогла придать ей соблазнительности, на экзекуцию пригласили всех, как будто Деде была еще жива; после того как Кармина снова стала страшной, насиловать ее особой охоты не возникало, приходилось думать не о ней, а просто о самой ситуации, иначе бы ничего не получилось: отец задарма отдает свою дочь, чтобы вы истязали ее на глазах у их общего любовника – как тут не возбудиться, ведь Эрбера тоже позвали, и если бы он любил Кармину на деле, а не только на словах, у него бы

наверняка встал при виде обнаженной и окровавленной любовницы, затерянной в гуще жителей Вакханаля, если только сама любовь не превращает тебя в импотента, ведь страсть настолько завладевает рассудком, что некогда подумать о наслаждении, или, возможно, импотенция еще заразнее, чем проказа, и, часто бывая у Беарна, Эрбер стал на него равняться, Беарн ликовал перед вялым членом парнишки, как будто у Эрбера не вставал нарочно для того, чтобы ему угодить, но это устраивало прежде всего Скота, который злоупотреблял прерогативами врача, показывая Эрберу, что сделать, чтобы член затвердел: достаточно вставить его доктору в рот и позволить себя обработать, достаточно раздвинуть булки, чтобы разрядились другие, если уж не можешь кончить сам, ведь когда доктор вставлял Эрберу, наверно, ему было зверски охота там пошерудить, ведь задница парнишки не так уж приветлива, наступала внезапная блокировка энергии, правда, не настолько сильная, чтобы остановить натиск Скота; когда он вынимал член, тот был весь в говне, и вылизывать его приходилось Кармине: каким бы он ей ни казался – славным или невзрачным, это все-таки был ее отец.

У Эрбера есть все основания любить доктора Скота, который трахал его, не боясь проказы, хотя от очка можно точно так же заразиться, как и от любого другого органа; любить человека, который принес ему в жертву собственную дочь, ведь никто не станет утверждать, что Кармина не умерла, ее похоронили, и о ней больше ни слова; любить врача, который обожает его до такой степени, что купил себе монопольное право на свидания с

ним, он разорится, если так будет продолжаться, так неужели же Эрбер его не любит? Но Эрбер его не любит, ведь это и есть школа Капо, когда чувствуешь, что никакие ромашки тебя не удержат, всякому, кто обрывает лепестки, кажется, будто у него есть шанс, даже если он старый и нищий, хотя это совсем не так, с другой стороны, какой идиотизм, ведь ладно уж старики, если только у них есть кубышка, но с какой стати оставлять в деле нищих? Школа Капо учит: зачем любить доктора Скота за его деньги, раз он их дает, даже если его не любишь? Платить авансом за все свидания с Эрбером было ошибкой, ведь школа Капо учит: зачем любить людей, которых не любишь? С какого перепугу Эрберу влюбляться в доктора Скота, которого он в глубине души презирает? Потому что тот дает ему денег? Но если бы доктор мог насиловать Эрбера бесплатно, он бы не церемонился, Скот сорит деньгами не из щедрости, а лишь потому, что влюблен по уши и задница Эрбера для него нередко дороже пятисотфранковой купюры, ведь деньги не пахнут, а очко парнишки – подлинное лакомство, сладостная смесь высохших малафьи и говна, слившихся воедино под соусом из пота, доктор мог бы часами не вынимать оттуда свой нос, если бы такое положение в конце концов не начинало раздражать его член.

Истязая Эрбера, Скот из предосторожности частенько дает ему нюхать монокараб, который продает за бешеные деньги, это кокаин, парнишке от него, конечно, не легче, но зато можно обезболивать дыхательные пути, а сочетание с психо совершенно не опасно, напротив, на него быстро подсаживаешься, это вам не алкоголь с антибиотиками, которые представляют угрозу для жизни, если

принимать их вместе, тогда как колоться можно и пьяным или с температурой под сорок, барыги требуют только того, чтобы у вас были деньги, поэтому счастье доступно молодняку; раз уж никому не запрещается заниматься проституцией, дилеров даже нельзя упрекнуть в том, что они не распространяют наркоту бесплатно, ведь тогда бы сутенерам настал капец, героин – пожалуй, лучшее средство уплатить по счету за любовь, доктор прекрасно это понял, чем больше проституции, тем больше клиентов, никого, кроме насильников и насилуемых, это улучшает отношения между людьми, ведь жиголо мы платили, и они лежали бревном между ног, заставляя делать всю работу за них, тогда как насилуемым насрать, довольны ли вы или потрахались неудачно, им нужно только, чтобы можно было звать на помощь и метаться во все стороны, как будто оргазм не требует хотя бы минимальной сноровки, насилуемыми нужно постоянно заниматься, чтобы удерживать их на месте, они здесь только для того, чтобы их ебали, и не забыть закрутить им руку за спину, иначе они удерут, оставив вас со стояком, они мечтают лишь об одном – убежать домой, где они, возможно, займутся любовью наедине, но их настолько приучили к роли жертвы, что быть насилуемым ради удовольствия им больше в кайф, им вбили в головы, что насильники – жадюги, и теперь насилуемые считают, что их разводят, когда ебут прямо на улице, однако насильники жмутся не больше остальных, просто им говорят, что нужно бороться с проституцией, так что остается лишь насиловать мальчишек, перед молодежью стоит выбор – быть жертвой насилия или заниматься проституцией, но если кто-то пытается совместить и то и другое,

осыпая вас во время ебли тумаками, а потом еще и требуя за это денег, то получает по заслугам, когда его оставляют в слезах на тротуаре с обвафленным очком и без гроша в кармане, проститутки в более выгодном положении, ведь если любишь заниматься любовью прилюдно, совсем необязательно мечтаешь, чтобы при этом присутствовал кто попало, толпу пришлось бы тщательно просеивать, но когда насилуешь кого-то посреди улицы, то в силу самих обстоятельств становишься вором и не станешь от этого отказываться только потому, что мимо проходит какой-то дебил, так, например, Бинго становится за плечом Скота, когда тот трахает на Главной улице Кретьена, ну и во имя чего учитель стал бы пользоваться мальчишками доктора? Остается лишь насиловать их самому, если он наконец-то решился попробовать, единственный способ отвадить неприятных вуайеристов – пригласить насилуемых к себе домой только с теми зрителями, которые вам по душе, но когда доктор дрючит Мишу на карантине, парнишка притворяется, будто кончил, из-за чего невозможно доказать, что это изнасилование, а не банальная проституция, и приходится башлять.

Эрбер не может воспользоваться этой уловкой, поскольку Скот выкупил все его свидания, заниматься проституцией с другими ему запрещено, и всякий раз, когда мы его трахаем и он что-то требует, мы напоминаем ему об этом контракте, Эрбер имеет лишь право быть изнасилованным, так доктор хочет его разорить, чтобы парнишке нечем было платить за моно и психокарабин, когда он станет наркоманом; окажись он в полном распоряжении Скота, у того наконец-то появился бы любовник, но если Эрбер покупает моно и психо

у доктора дороже, чем продает ему свою задницу, все дело в том, что у него не такие представления о торговле, как у его отца, Капо воспитал сыновей жиголо, рассчитывая поднять на этом кучу бабла, но Эрберу на богатство плевать, если только ему интересно само ремесло, он всего лишь винтик в заговоре Капо, который запасается кокаином и выдает его детишкам ровно столько, сколько нужно, чтобы утехи включали в себя фистинг; пока доктор засовывает локоть вам в жопу, вы весело напеваете, не задумываясь о том, что впредь уже не удастся поставлять клиентам твердые и хорошо оформленные какашки, которых они требуют, ведь сфинктер окончательно растянется, и извергаться из него будет лишь бесформенное говно, кокаин опасен тем, что порой лишает вас ежедневного счастья неторопливой дефекации, в обмен на дорогое, но мимолетное удовольствие, когда вам в кишки засовывают руку, срать с пробитой прямой кишкой – все равно что ебаться с импотентом, почти не чувствуешь внутри вялого хуйка, и тот выпадает при малейшем резком движении, но братья Эрбера лишь изредка наслаждаются фистингом, ведь это жутко дорогая поза, и чтобы ее себе позволить, нужно по-настоящему влюбиться.

Но жопа бывает не только у других, надо подумать и о себе, и одна из прелестей изнасилования посреди улицы в том, что удовлетворение получает каждый, ведь так приятно вгонять член между булками прохожих мальчишек, однако им следовало бы подумать, как отплатить тем же, поскольку удержаться в заднице зыбучего, как пески, парнишки, который спит и видит, как бы погулять где-нибудь в другом месте, не так-то просто; если ты один, то раздвигаешь булки, чтобы удобнее

было вставить член, но пришлось бы ждать вечно, кабы учитель Бинго не был порою желанным гостем, который научил сыновей Капо обследовать задницу доктора языком, а затем и членом; видя, как Эрбер-Кретьен или Миша сидят голяком на тротуаре и пожирают говно Скота, Бинго возбуждается и в свой черед занимается сыном Капо, подвернувшимся ему под хуй; прежде чем подсунуть парнишке, он должен убедиться, что доктор получает удовольствие, ведь Эрбер-Кретьен и Миша такие капризные, что часто сговариваются между собой и у них не стоит, хотя их пялят прямо посреди улицы в грязную сраку; если они в своем возрасте уже импотенты, то что будет, когда они окажутся в положении Скота? Приходится им дрочить, пока они наконец не смогут по-настоящему вставить доктору и одновременно принять господина Бинго, да, они позволяют ласкать себе член задарма, а потом говорят об изнасиловании, но если в этом деле и есть жертва, то это, скорее, Скот, ведь либо его насилуют, а функция истязателя заключается совсем не в этом, либо он занимается проституцией, а Эрбер-Кретьен и Миша не желают платить ему ни сантима; оказывается, некоторые способны вставлять ему в задницу в тот момент, когда в них проникает Бинго, – дополнение, в котором все же нет ничего возбуждающего, если знать, что этот член таскался по всем вакханальским девчонкам; после похорон Деде и Кармины Бинго пришлось изменить вкусы, это уже не лезло ни в какие ворота – упорно ебать всех подряд, пока мы закапывали в землю одну пизду за другой, он всегда не прочь запердолить другим между булок, вот только и речи нет о том, чтобы откликнуться на приглашение, ему лучше про-

верять тетрадки, чем часами сидеть на унитазе и срать сколько душе угодно, и хочется, чтобы его обзывали пидарасом, хочется, чтобы мальчишки становились перед ним раком, но мы смеемся над его нелепым видом: девственник в его-то годы, со сколькими бы ни переспал, уже не излечится никогда.

Убить Эрбера доктор не способен, ведь даже гадина-хирург не может ни с того ни с сего стать хладнокровным злодеем, иначе полиция проведет расследование, а преступление на руку невиновным, которые могут безнаказанно прикидываться храбрецами, тогда как виновным приходится оправдываться, как будто кого-то убивали ради удовольствия, вакханальское правосудие раздает тогда кучу судебных поручений, поэтому в антропометрических карточках сыновей Капо столько всего, что можно завалить фотками порносеть всей Северной Америки, там есть их булки крупным планом, раздвинутые таким манером, чтоб было видно, что внутри нет ничего, кроме говна, оборот которого никто еще не додумался запретить, ведь нужно обладать просто-таки дьявольской властью, чтобы контролировать его производство по всему свету, иначе запрет не будет рентабельным; пока полиция не обнаружит жертву убийства, утонувшую голяком в море какашек, говном она заниматься не станет, поэтому Эрбер по-прежнему жив, и ни один зад не придвигается к его заду ближе, чем на сотню локтей, если верить его любовнику; Эрбер этим гордится, как будто сам слепил свои булки из собственного члена и у доктора к этому слабость, ну а Скот даже не хвастается, ведь любовь разорительна, а запасы

монокараба не безграничны, поэтому он возвращается к психо – хорошему средству от жопозависимости, поскольку под порошком сгодится любая задница: ведь ты же витаешь в облаках.

Когда доктор насаживает Эрбера на швабру, то, конечно, парнишке в любом случае лучше, если у него между булок торчит настоящая палка, а не хер, над которым все открыто стебутся, ведь ничто так не нервирует Скота, как сплетни о его члене; не успеет начаться вечеринка Эрбера со шваброй в жопе, как он уже ноет, что его привязали, но иначе бы он сбежал, а одураченный доктор употреблял бы героин в одиночестве, и прощай, любовь, хотя когда он ширяется с другим мальчишкой, его партнер сговорчивее, ведь у него есть уникальная возможность выжить Эрбера из бумажника Скота, и Миша надрывается под ударами плетки, поскольку не хочет разочаровать доктора, так что затем разочаровывается он сам, если Скот прячет свой член, утверждая, что жертву не истязают ради ее же удовольствия, иначе она считает, что ей достаточно заплатили плеткой, лучшие вечера со Скотом – это когда он так наставится героином, что всю ночь потом блюет на кровати, довольный, как слон, и даже не надо раздеваться, ведь при минимальной сноровке можно уйти вечером и вернуться утром, внушив ему, что он трахал тебя всю ночь напролет, из гордости он выдает двойной оклад, но доктор ничего не зарабатывает, когда употребляет свой же товар, поэтому он продает его, давая один даровой пакетик Эрберу за каждые десять пакетиков, расплачивается за это вся деревня, ведь Скот поднимает цену на десять процентов, для того чтобы щедрость ему ничего не стоила, Эрбер – грязный

торчок, и всякий раз, когда мы его трахаем, то загоняем чуть глубже; если бы и впрямь отучить парнишку от психо, он бы помер, как и его братья, но героин его только бодрит, иногда по утрам или после ночи истязаний кажется, что во второй половине дня будут похороны, но всего один укольчик, и Эрбер находит в себе силы, а не открывает рот с просьбой, чтобы его прикончили: сторонникам легалайза есть над чем задуматься.

Дрочка – процедура, которую у Беарна нет возможности проводить слишком часто, ее нельзя запороть, для начала он задергивает шторы, ведь эксгибиционизму тоже есть предел, только представьте себе, как весь Вакханаль прилипает к окну с полевыми биноклями, пытаясь рассмотреть член, спрятавшийся под складками жира, Беарн закрывается на засов и выключает телефон, словно кому-то может прийти охота составить ему компанию, еще нужно запереть Аженора в шкафу для швабр, иначе попугай начнет распускать сплетни при гостях; перед тем как раздеться, Беарн моет руки, а затем ложится голяком на кровать, завесив все зеркала и разложив под рукой наркоту, ведь если придется вставать, когда он уже будет на грани оргазма, чтобы приготовить себе кокаин или взять попперсы в морозилке, не видать ему ни капельки спермы, этот импотент остается спокойным, как покойник, перед самой красивой задницей на свете, но когда он дрочит наедине с собой, то обсирает простыни, ведь говно – его стихия, и если бы он мог жить в туалетном очке, жизнь его стала бы вечным блаженством, в своих фантазиях он парит высоко, потом становится перед какашкой на колени, вставляет в нее монетку и

пытается вытащить зубами; тщательно обмазав собственное тело и лицо горячим говном и вдоволь его наглотавшись, он засовывает три пальца себе в задницу на идеальную глубину, остальные никогда ее в точности не достигают, он дрочит себя свободной рукой и, перед тем как кончить, пару раз хорошенько вдыхает попперсы, ведь в тот момент это очень приятно, но едва спускаешь малафью, возбуждение спадает, а попперсы вызывают целый шлейф побочных эффектов, так что подавленное желание оборачивается омерзением, а член мгновенно обмякает, наркота наводит Беарна на мысль, что есть и другие способы быть счастливым, помимо пачканья простыней: он мог бы жениться, завести прорву детей и сочинять сказки, если б только у баб щели были поменьше.

Незачем обладать сильным голосом, чтобы петь дифирамбы наркотикам; если любишь кайф, это изысканное удовольствие, но попперсы – самые выгодные из всех, их можно найти повсюду, и это не разорительно, больше не нужно никаких инструментов типа трубок или шприцев, достаточно одного носа, и вас вставляет уже через секунду, сердечникам этого не вынести, и Беарн боится, что его обнаружат с разрывом сердца посреди засранных простыней и журналов, придется лишь забиться в свой гробик, пока мы устроим групповуху с попперсами, оставшимися в холодильнике, ведь у Беарна есть запасы, хоть и нелегко держать пузырек обосранными пальцами, когда вот-вот должен кончить, Беарн выливает его на пол и наклоняется над ковролином, чтобы понюхать лужицу, голое туловище на кровати, а голова на полметра ниже, картина маслом, задница у него мягкая, но не гибкая, так что очень трудно

не вывихнуть себе поясницу во время этой процедуры, однако, не отличаясь утонченным вкусом, Беарн называет это оргазмом, к тому же попперсы не рекомендуются импотентам, которые то и дело ими догоняются, что не всегда хорошо, ведь на наркоту не присаживаются, если не хотят пресытиться, но как этого избежать, если ты Беарн? Тут нужны галлюциногены, иначе так и останешься Беарном, и нечем будет вытянуть сперму у себя из шаров, он думает об этом, перед тем как кончить, хотя попперсы, конечно, не облегчают эякуляцию, героин дороже, но, по крайней мере, желание подавляется, о нем слыхом не слыхать, голос в голове не твердит о том, что оргазм у тебя так себе, и хочется лишь продолжать и получать удовольствие, но удовольствие по сто франков за пузырек – это было бы слишком удобно, поэтому производители добавляют щепотку депрессанта за ту же цену, и вскоре уже не можешь обходиться без попперсов, когда занимаешься любовью, так что выход лишь в том, чтобы обходиться без любви: это разнообразит хандру.

Беарн фантазирует, к примеру, будто он карлик, заточенный в заднице у мальчишки, и работа его заключается в том, чтобы по восемь часов в день добывать в этой шахте говно, но мальчишка постарался бы поскорее высрать стокилограммового карлика, хотя сама по себе мысль забавная – импотент щекочет тебе булки и вот-вот позовет еще и своего попугая, эта фантазия так никогда и не осуществилась, ведь Беарн чересчур ленив и, будь он карликом, пришлось бы продать его в цирк, у него был бы свой фургон, как у всех остальных, и он бы ни на кого не посягал, впрочем, он сознает, что не такой уж крохотка и, валяясь в говне, пока

его член не начинает затвердевать, задумывается над тем, не лучше ли было выбрать мечту, больше соответствующую реальности, его ожирение не возбуждает, он паникует, ведь если очень быстро не подыскать новую идею, останется разве что ползти в душ; размышлять, сидя по уши в говне, – это уже ни в какие ворота, к тому же, по мере того как он раскидывает мозгами, какашки остывают и становятся несъедобными, так что выходит, от фантазий пользы ноль, раз уж ни одна из них не удовлетворяет по-настоящему, ведь ничто не мешает Беарну представить себя беременной бабой, которую насилуют рукояткой лопаты на груде навоза, или собакой, которую трахает миллиардер, пока она истошно лает во время войны 14-го года, он даже способен вообразить себя стройным великаном, у которого в заднице обитают другие мужики, если б ему это было по кайфу, но раз ему это не по кайфу, то к чему сочинять небылицы? Лучше уж сказать себе: я Беарн, и затем перейти к наслаждениям, учитывая, что об этом-то он и мечтает, впрочем, тут все нередко и заканчивается, ведь у его члена тоже есть свои привычки, и как только войдешь в ритм, опорожнение происходит само собой, сперма приносит немало хлопот, но это нельзя назвать победой для самого онаниста, который оказывается весь обосранный, с липким членом и клейкой волосней, от подобного оргазма ни у кого не встанет, поэтому эрекция и остается для Беарна столь таинственным явлением, ведь хотя и считается, что импотентом он стал от старости, в восемь лет он был ничуть не лучше, в конце концов он все же привык к любви, но, если оргазм и впрямь составляет счастье всех людей, Беарн предпочитает горе.

В точности неизвестно, когда началась любовь между Мишей и Кретьеном, но Миша влюбился первым, парнишке нравилось прижиматься к старшему брату, он кричал и плакал каждую ночь, пока отец не укладывал его в кровать Кретьена, тогда он вылизывал все тело спящего брата, Кретьен был такой вкусный, Миша ни на секунду не смыкал глаз, чтобы лучше его рассмотреть, догадываясь, что днем тот не будет так же благожелательно настроен, и старался ничего не пропустить, разминал его попку, пока возлюбленный спал, или просто любовался ею, чтобы не рассердить его слишком резкими движениями, во всяком случае, Миша бодрствовал по ночам, любовь изматывает, и спустя несколько месяцев Кретьен втянулся в игру, он был доволен, что Миша его ласкал, хотя ему и не платили, это означало, что парнишке действительно нравилось, ведь как только клиенты выкладывали денежки, они должны были восторгаться, чтобы не выглядеть лохами, и вскоре братья зажили душа в душу, однако Кретьену было невыгодно пылать безумной страстью к неклиенту, прошло время, и Капо был вынужден ввести Мишу в курс дела, ему тоже незачем из кожи вон лезть ради своего брата, плательщики – прежде всего, но он все так же осыпáл Кретьена при каждой встрече поцелуями, упирая на то, что инстинкт могущественнее денег, а инстинкт подсказывал, что зарабатывать деньги – скука смертная, и все же приходится скучать, ведь деньги сильнее, Капо оставалось лишь объяснить ему психологию, что незачем превозносить так любовь, ведь это просто когда мальчишки жарят тебя между булками, это не помогло, и Капо мах-

нул на них рукой, но снизил процент доходов с их собственных свиданий: раз уж деньги для влюбленных в инстинкт не важны, перебьются и так.

Мы видим, как они бегают вдвоем, взявшись за руки, едва лишь выдается свободная минутка, ходят гулять в лес и занимаются любовью втихаря, Миша лижет брату зад, а тот сосет ему член и вставляет в себя или, наоборот, подсовывает Кретьену, если обстановка позволяет, – разве бы он вел себя так, не получая от этого никакого удовольствия? Он занимается этим ради своей личной выгоды, хрен с ней, с любовью, если взамен испытываешь счастье, а ведь это ему проституция не по вкусу, однако деньги или удовольствие – все та же торговля, некоторым людям больше нравится быть миллиардерами, поскольку это решает проблемы с ежемесячной получкой, можно досыта наслаждаться кем угодно, но есть еще такие чертенята, как Кретьен и Миша, которые о счастье только и мечтают, вся их жизнь – сплошное мучение; если им по приколу быть влюбленными, пусть ими и остаются, но тогда пусть не приходят жаловаться, что вынуждены спать вместе, после того как друг другу опротивеют; когда Кретьен больше не сможет смотреть на груду грязной посуды и на Мишины вещи, разбросанные по всей комнате, для отвращения будет уже поздновато, тем более что любовью они называют постоянные ссоры в обрамлении нищеты, ведь нельзя же разбогатеть, отказавшись от клиентов, Кретьен и Миша относятся к ним свысока, но если плательщики исчезают, деньги пропадают вместе с ними, что́ толку парнишкам от всего их счастья, если однажды вечером они останутся без гроша и без надежды хоть что-нибудь заработать, потому что

клиентам разонравится потакать всем своим прихотям, – однажды двоим сыновьям Капо придется ползать по грязным улочкам Вакханаля, пытаясь вновь отыскать потерянный путь.

Любовь – награда сама по себе, но для сыновей Капо все наоборот, больше не отдаваться клиентам значит приберегать себя друг для друга, Миша умоляет Кретьена не спать с кем попало, а тот – его, поскольку цель каждого – этим принудительным воздержанием привести другого к краху, чтобы он затем оказался в твоей власти, ну и где же разоренный и всеми отвергнутый Кретьен найдет себе убежище лучше, чем в заднице Миши? Но Миша без гроша в кармане не будет такой уж удачной партией со своим очком, куда поместится целая дюжина, и своими глазами, проливающими целые потоки слез, как только он остается наедине с братом, ведь он считает, что щеки, орошенные рыданиями, прелестно смотрятся, это ему понравится, тем более что Кретьен плачет для того, чтобы с его лица слизывали слезы, и полагает, что, увидев его в таком состоянии, старший сильно расстроится и присоединится к нему из солидарности с его горем, это станет доказательством, что любовь существует, поскольку, видя, как брат рыдает, Кретьен специально купил бумажных платочков и заставляет его ночью сморкаться, но Миша так шмыгает, что невозможно сомкнуть глаз, еще он кашляет от тоски и чихает от отчаяния, ведь для него все сгодится, лишь бы привлечь к себе интерес, лучше было бы просто добрать привлекательности, с возрастом он стал половозрелым, и хотя для того, чтобы переспать с мужиком, Кретьену вовсе не нужно терпеть сопливого парнишку, который ничего не платит, Миша все

равно упорствует, он хочет, чтобы его брат потерял работу на панели и пришел его обнять, ведь тогда он без труда сможет сдать его Капо, чтобы отбить у Кретьена клиентуру, папаша не лох, и ему начхать на то, как обходятся с клиентами, лишь бы те были довольны, тем более что мальчишки пользуются ими для того, чтобы их дрючила молодежь, когда это приносит наибольшую прибыль; ради любви лучше подождать, пока не станешь несчастным столетним стариком, тогда уж точно можно быть уверенным, что тебя любят ради себя, но если кто-нибудь влюблен в Мишу, то речь на деле о его молодости, взгляните на фотку его задницы спустя сто лет, и вам перехочется туда вставлять: дети так эфемерны.

Из-за своей влюбленности Миша ничего не теряет, поскольку он не устраивает парадные случки, дабы отпраздновать свое счастье; чтобы проникнуть в интимную жизнь парочки, придется раскошелиться, снять обоих на один вечер, посадить на цепь и зверски избивать одного, пока играешь с другим, вот это нам больше по нраву, но не все могут себе это позволить, у некоторых бедняков фантазия, как у богачей, но поставим себя на место сыновей Капо, которые занимаются любовью ради денег: зачем спать с теми, у кого нет средств? Счастье обездоленных заключалось бы в фантазиях, соответствующих их положению, в том, например, чтобы мечтать об одинокой любви или откладывать целый год, а потом купить себе Кретьена и Мишу на сочельник, перспектива веселого Рождества, ведь со случайными клиентами оба парнишки наглеют, мы ничего против бедняков не имеем, но если с них нечего взять,

пусть тогда не мухлюют или пеняют на себя; чтобы Миша обиделся, можно вставить ему, прикинувшись Кретьеном, но он узнает член брата даже с завязанными глазами, такой тот живчик, вдобавок Кретьен его ласкает и целует, а мы кусаем и стегаем плеткой, не больно-то и хочется его дурачить, Кретьен любит задницу Миши больше всего на свете, всякий раз он сравнивает ее с вашей, и никто не проходит испытания, но мы же нанимаем парнишку не для того, чтобы нас судили на конкурсе булок: Ах, если бы тут была задница Миши, было бы намного веселее! Мы же устраиваем разорительные оргии не для того, чтобы такое услышать, пусть лучше Кретьен мечтает о любви, которой нельзя злоупотреблять, потому что тебя не должны бросить первым, у каждого свой способ сделать другого несчастным, Мишина идея – геморрой: чтобы тот не разрастался, его задница закрывается каждый месяц на неделю, Кретьену приходится семь дней ходить с поникшим членом, словно если он засунет его куда-нибудь еще, то подцепит проказу, со стороны Миши это всего лишь предлог, чтобы брат и не думал им пресыщаться, это и есть любовь, а также беспрерывные козни, притворные улыбочки и фальшивые рыдания, Кретьен и Миша ебутся тайком на публику, но в глубине души лелеют фантазии, которых сами же стыдятся: трахать друг друга на Главной площади в три часа дня в прогулочный день, чтобы их принимали за собак, но в коммерческом плане это было бы самоубийством, и после такого – прощай, проституция; если жиголо спят бесплатно, впредь пусть не рассчитывают на платежеспособных клиентов: слишком уж мы уважаем кредитные билеты.

Лучше посочувствовать судьбе других жителей Вакханаля, мы же во власти Капо – сумасшедшего выжиги, который может не сегодня-завтра отнять у тебя возлюбленного, если ему разонравятся твои денежки, неужели тот, кто терпел Анриетту восемь беременностей подряд, будет рассуждать о морали и разврате в Вакханале и рассказывать нам, что такое любовь? Для него это чеки с трехзначными суммами, но почему не букет фиалок или мальчик-бродяжка? Любовь – это еще и Кретьен с Мишей, когда они влюблены и целуются ради удовольствия, когда плачут каждый в своем углу, потому что задница другого никогда не бывает достаточно гостеприимной, Миша мог бы вам рассказать, какой красивый у Кретьена член, – как сделать, чтобы беречь его только для себя? Но мы-то принимали член Кретьена, когда Миша еще не умел говорить, и не откажемся от него только потому, что у парнишки вдруг возникла идея фикс, мы, скорее, посоветуем ему больше плакать, когда они расстанутся, надо унизиться до публичной скорби, не опасаясь пошлости, любители никогда не перебарщивают, будем надеяться, что мадмуазель Робика их этому научит, ведь с тех пор как она вбила себе в башку, что братская любовь и сперма – небо и земля, она объясняет Кретьену и Мише, что они будут любить друг друга точно так же, если просто нежно хлопать друг друга по плечу, она только и мечтает о том, чтобы парнишки остались без клиентов, а сама она могла бы тогда позволить их себе подешевле, но ни в коем случае нельзя терпеть эту брачную связь, Миша, самый красивый парень на свете, не должен заниматься любовью с безобразной старой девой, которая, не имея собственных детей, считает себя наиболее

компетентной в воспитании чужих, пусть себе выпендривается, возможно, Кретьен с Мишей согласятся ее оплодотворить, просто не надо ходить за ними по пятам, мадмуазель Робика и дети, этому ни конца ни края, всегда останется кто-нибудь в живых, но Миша и Кретьен не склонны к самопожертвованию, даже небескорыстному, и целке еще есть что почитать, прежде чем она измерит консистенцию их спермы, в остальном же парнишки ничем не рискуют, поскольку у нее такое же извращение, как у Беарна, что не мешает ей считать себя образцом добродетели, она выстроила шкалу пороков, на которой инцест и антропофагия хуже фригидности, но нам плевать на мнение трупов по поводу каннибализма, да и все обеими руками за инцест, если только у вас приличная семья, тогда как импотенция – это, конечно, порок, хотя в ее конкретном случае, возможно, и есть шанс, Кретьен утверждает, что она склеит ласты в день первого же своего оргазма, но, может, она подкупила мальчишку, чтобы тот распустил этот ложный слух, надеясь, что мы куннилингуснем ее ради скорейших похорон? Это, однако, не сработало, ведь если такова цена, лучше уж оставить ее живой, чем мертвой с навеки застывшей улыбкой на губах.

Затем все длилось недолго: издох Аженор, да и сам Капо загнул копыта, похороны были тяжелыми, и когда они закончились, мы все так же стояли перед могилой: всеобщее замешательство, эта смерть означала не просто кончину человека, но и то, что вся наша проституция осиротела, – кому будут впредь платить Эрбер-Кретьен и Миша? Мы что, теперь должны хранить целомудрие вплоть

до чтения завещания? Ни в коем разе, мы набросились на сыновей Капо и забросали их банкнотами, как будто они стали самим себе хозяева, сцена была душераздирающая: трое парнишек, которых короновали только потому, что помер их отец, мы вполне могли бы их насиловать и задарма, но боялись, как бы отпрыск Капо не пожаловался на то, что его принудили к бесплатным свиданиям, едва его назовут наследником, и тогда придется возмещать издержки, принося извинения, однако юридически дети не принадлежали никому, до тех пор пока не станет известен легатарий, и было бы противозаконно требовать задним числом деньги за разврат на похоронах, смерть Капо должна была стать большим праздником с дармовым угощением со стороны его сыновей, но на деле изнасилования были платными, ведь даже само присутствие трупа внушало страх: в Вакханале не так уж много свободных детей, так что лучше не сердить бывшего владельца, а то вдруг преемник унаследует и его злобный характер.

Потом зачитали завещание, и собственником троих последних Капо был объявлен Беарн, несмотря на сопротивление Скота, мечтавшего хотя бы об одном, но мы не собирались уступать Эрбера доктору, иначе тот берег бы его для себя, тогда как мы были уверены, что импотент пустит детей в оборот, оставшиеся в живых Капо в одночасье стали для всех братьями, и Маргерит Беарн тут же захотелось продемонстрировать свою власть, она верила, что разрушит весь труд Капо одним словом, но Капо навсегда останется творцом бизнеса, а она – лишь эпигоном, тем более что Беарну оказалось не по силам быть главой семьи, а Эрбер достиг возраста, когда интересуются зыбучими пе-

сками, они засасывают вас, точно мальчишеские задницы, парнишка сбежал с Кретьеном, который больше не мог выносить Мишу с его булками, слезами и любовью, – стоило вообще перемирать такой уйме народа, для того чтобы двое сыновей Капо свалили из Вакханаля еще при жизни? Ведь, расставшись с Беарном, они в конце концов снова стали сыновьями Капо, и после ухода у мальчишек изменились вкусы; если не считать Мишу, приходилось рассчитывать лишь на доктора, который обеспечивал нас психокарабином, моно, трупами, хуями и жопами, нам всего не хватало, мы больше никого не съели и игрались только с собственным говном, деньги лежали мертвым грузом, однако Беарн по-прежнему корчит из себя главного, ведь никогда не надоест обассывать голого Мишу, в тот момент, когда до мокрого парнишки доходит, какой он несчастный, от его взгляда чокнуться можно, и член сразу обмякает, но сердце еще встает при виде ребенка, который мечтает отомстить, понимая, что ни молодости ни красоты недостаточно.

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Ален Гироди
ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ НОЧЬ

Жиль испытывает непостижимое влечение к девяностовосьмилетнему старику. Он никак не может разобраться в своих чувствах. Возможно, это любовь. Но безжалостный начальник бригады жандармов намерен положить конец этому безобразию. Поначалу для Жиля это всего лишь увлекательная фетишистская игра, но ему придется дорого за нее заплатить.

Марсель Жуандо
РАЗМЫШЛЕНИЯ О МАГИИ, ВОРОВСТВЕ И НЕОСТОРОЖНОСТИ

Воровство сродни магии, а жесты искусных взломщиков не менее величественны, чем движения рук священников. Марсель Жуандо размышляет о руках вора и о его душе, описывает своих знакомых, одержимых поэзией авантюры и желающих во что бы то ни стало раздобыть вожделенный предмет. Пожива сама по себе ничего не значит; элегантность исполнения – вот что преобразует кражу в героическую эпопею.

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Франсуа Ожьерас
УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Эта повесть вышла в 1964 году анонимно, с указанием, что ее написал автор «Старика и мальчика». Как и в первой книге, Франсуа Ожьерас рассказывает историю своих отношений с дядей – полковником Марселем Ожьерасом, который был его наставником, мучителем и любовником. Но на этот раз она перенесена из африканского оазиса в Перигор, где много лет провел Франсуа Ожьерас. В этом мистическом краю, сохранившем память о тамплиерах, встречаются герои повести: священник-садист, находящийся в его власти юноша-рассказчик и 13-летний деревенский мальчик.

Габриэль Витткоп
МАСТЕРСКАЯ ПОДДЕЛОК

Мы не удивимся, встретив на этих страницах маркиза де Сада, которого Витткоп считала величайшим стилистом. Ничто так не радует ее, как телесные и душевные страдания. В самом деле, отчего человек должен быть более добродетельным, нежели дикие твари, разрывающие друг друга на части?

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Франсуа Ожьерас
ОТРОЧЕСТВО В ЭПОХУ МАРШАЛА

1941 год. Юг Франции, находящийся под управлением маршала Петена. Юный Франсуа Ожьерас вступает в организацию молодых фашистов, но вскоре разочаровывается: «Быть антихристианином я готов, а вот гитлеровцем – нет!». Он считает себя Рембо эпохи Петена, он увлечен ницшеанством, ненавидит Париж и мечтает освободить Европу от Иисуса, чтобы она отыскала свою подлинную душу.

Марсель Жуандо
РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАРОСТИ И СМЕРТИ

Приближаясь к семидесятилетию, Марсель Жуандо стал наблюдать за признаками своего старения и написал эту книгу о подготовке к смерти и постепенном расставании с радостями и заботами. Смерть входит в человека тайно, неслышно, словно заноза. Жуандо признавался, что одержим своей смертью и ждет ее, как ждут торжественного испытания. Он попытался лежать в гробу и осознал ужас полного оцепенения, отказа от проявлений жизни.

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Франсуа Ожьерас
ПУТЕШЕСТВИЕ МЕРТВЫХ

Путешествие отважного молодого человека по французской Африке 1950-х годов, от горных пастбищ Алжира к океану в Агадире и к великой реке Сенегал. "Последним полем экспериментов Запада" называл Африку Франсуа Ожьерас, презиравший европейскую цивилизацию и считавший себя человеком будущего, дикарем, отказавшимся от законов, обычаев и мнений заурядных людей.

Эрве Гибер
Я И МОЙ ЛАКЕЙ

Очень странные ощущения, когда открываешь посреди ночи глаза и видишь стоящего рядом лакея – в домашнем халате или пижаме, которую я носил, когда был молод, или же голого, с накинутой на плечи меховой шубой, которую я заказал себе, когда ездил в Москву, – лакей смотрит во мраке, не говоря ни слова, сверля меня взглядом поблескивающих желтых глаз.

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Марсель Жуандо
ШКОЛА МАЛЬЧИКОВ

В 1948 году шестидесятилетний философ Марсель Жуандо познакомился с двадцатилетним солдатом Робером Коке. Их любовный роман продолжался 12 лет. В книге «Школа мальчиков» собраны письма Робера и поклонника Жуандо Анри Роде (1917–2004), раскрывающие тайны этой истории. Лишь после смерти Жуандо открылось, что письма Робера писал Анри, подстроивший встречу своего кумира с юношей.

Франсуа Сантен
УБИЙЦА И ЕГО ПАЛАЧ

Близкий друг Жана Жене Франсуа Сантен (1920–2010) рассказывает запутанную историю казненного в 1939 убийцы Мориса Пилоржа, которому Жене посвятил поэму «Смертник», и палача Анатоля Дейблера, внезапно скончавшегося по дороге на казнь Пилоржа.

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Герард Реве
КНИГА О ФИОЛЕТОВОМ И СМЕРТИ

Живописная деревня во Франции. В ожидании похорон юного соседа писатель Герард Реве вспоминает прошлое: немецкую оккупацию, пребывание в психиатрической клинике, знакомство с милыми мальчиками и старыми негодяями. «Книга о Фиолетовом и Смерти» должна сделать все остальные книги излишними, за исключением Библии.

Герард Реве
БОГ ОЧЕНЬ ОДИНОК

Запах одежды Мальчика; магия игры света на его волосах; шелест моря; непроходимый лес, в котором живет Беспощадный Мальчик – один, с ним только его брат, чуть старше него; этот набожный лесоруб не подозревает о безмерной моей страсти. Нет нигде утешения. Ветер в верхушках деревьев поет: «Прошло… Прошло… навсегда…» И я больше никогда не смогу выйти из Леса, поскольку хлебные крошки, которые я рассыпал за собой, все до единой расклеваны птичками.

Заказывайте книги издательств «Митин Журнал» и «Kolonna Publications» на сайте shop.mitin.com. Курьерская доставка в России, рассылка по всему миру.

Их также можно приобрести *в Москве*:

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Индиго», Ветошный переулок, д. 9

в Санкт-Петербурге:
«Порядок слов», наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», ул. Некрасова, 23
«Свои книги», ул. Репина, д. 41 (во дворе)
«Подписные издания», Литейный пр., 57

через *Интернет:*
«Ozon» ozon.ru
«Лабиринт» labirint.ru

в *Украине:*
«Либра» librabook.com.ua

Пьер-Себастьен Евдо
НАШИ УТЕХИ
перевод Валерия Нугатова